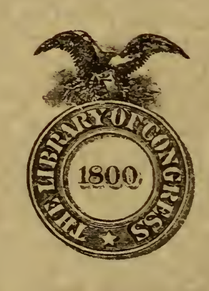
PG 3360
.R74A6
1858

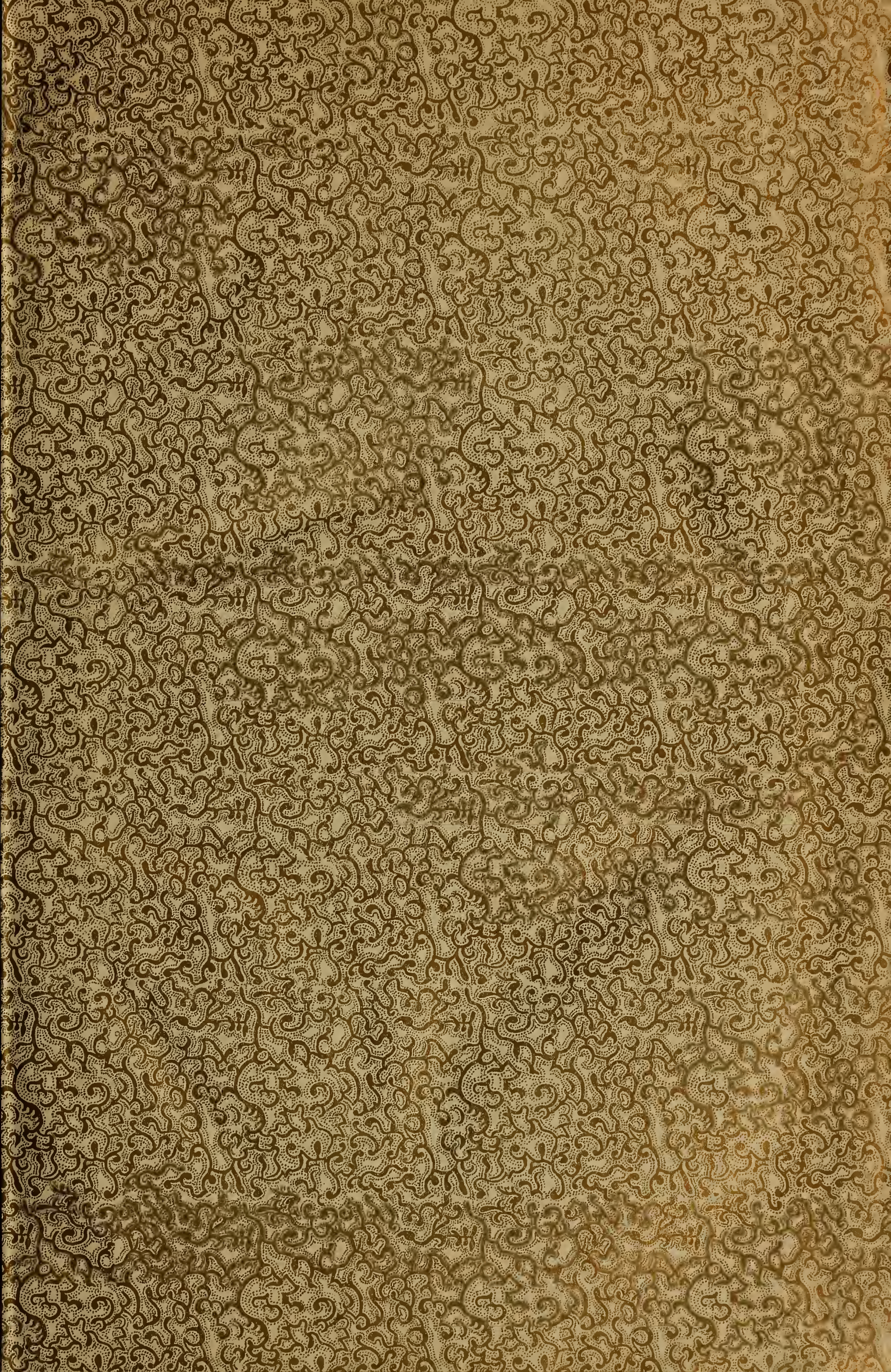

Class ______________

Book ______________

YUDIN COLLECTION

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. РОЗЕНГЕЙМА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

СТИХОТВОРЕНІЯ

МИХАИЛА РОЗЕНГЕЙМА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. РОЗЕНГЕЙМА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

═

1858.

PG 3360
.R74A6
1858

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ 23 генваря / 28 марта 1858 года.

Ценсоръ *Н. Лажечниковъ* и
И. Гончаровъ.

Въ типографіи Артиллерійскаго Департамента В. М.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Мнѣ говорятъ, что я рискую,
Что слишкомъ смѣло говорю...
Невѣрю. — Рѣчь веду такую
За тѣмъ, что преданъ я Царю.
Не искони-ль Царей державныхъ
Сливалась слава на Руси —
Со славой Руси православной?..
Кто хочешь, лѣтопись спроси.
А славу матери Россіи
Я жарко, искренно люблю;
Затѣмъ и кривды въ ней лихія
Отъ всей души я не терплю.

Ужель я менѣй гражданиномъ
И право слова потерялъ,
Что не покрытъ высокимъ чиномъ,
Что незначителенъ и малъ?...
На дѣло долга нѣтъ убогихъ;
Къ добру для всѣхъ открытый путь;
Кто можетъ много—сдѣлай много;
Но каждый сдѣлай что-нибудь.
Презрѣнъ не тотъ, кто сдѣлалъ мало,
Когда онъ болѣе не могъ,
Когда не воли въ немъ не стало;
А средствъ и мочи не далъ Богъ.
Когда въ насъ снова, жаждой дѣла,
Огонь сознанья запылалъ,
Во мнѣ душа не утерпѣла,
И я, что чувствовалъ, сказалъ,—
Сказалъ по праву гражданина,
Во имя правъ мнѣ дорогихъ,
Отчизнѣ преданнаго сына,
Престола вѣрнаго слуги.
Не утопистъ я, не мечтатель,
Слѣпой поклонникъ новизны,
Не желчно-злобный порицатель
Моей родимой стороны;
Не становлюсь я на ходули;
Таковъ, какъ всѣ, я говорю:

Мы худы, братья, мы заснули;
А нужны бдящіе Царю.
Пускай стихи мои плохіе,
Какъ звукъ въ пространствѣ, пропадутъ:—
Со мной, за мной пойдутъ другіе
И также правду понесутъ;
И каждый каплю правды Бога
Внесетъ въ сознанье согражданъ;
И капель тѣхъ сберется много,
Сберется цѣлый океанъ!
И этимъ истины разливомъ,
Когда-нибудь, мой край родной,
Ты смоешь все, что нечестиво,
Что̀ тяготѣетъ надъ тобой:
И страсть неправаго стяжанья,
И себялюбіе, и лѣнь....
О, твердо въ сердцѣ упованье
Въ преображенья свѣтлый день!
Покорный искреннему чувству,
По убѣжденью я писалъ,
Безъ притязаній на искусство,
Безъ жажды суетной похвалъ.
Какъ пчелкѣ дѣдушки Крылова,
Съ меня довольно и того,
Что есть въ сота̀хъ роднаго слова
Хоть капля меду моего;

Съ меня довольно и сознанья,
Что Русь я искренно любилъ,
Что гражданина честнымъ званьемъ
Всегда высоко дорожилъ;
Что съ равнодушіемъ позорнымъ
Я въ дѣлѣ общемъ не молчалъ,
Предъ зломъ не гнулъ главы покорно
И духъ неправды отрицалъ.

Памятникъ.

Les chefs ne se sont point isolés du peuple,
et le peuple n'a point manqué de chefs.
Guisot.

Много есть на Руси монументовъ, колоннъ —
Въ память доблестныхъ дѣлъ, въ честь великихъ именъ.

Благодарная Русь ими чтила людей,
Что въ поту и трудѣ порадѣли о ней;

Послужили родной, кто мечемъ, кто перомъ,
И оставили ей память многимъ добромъ.

Много есть на Руси монументовъ такихъ;
Но одинъ я люблю какъ-то больше другихъ:

2.

Онъ стоитъ средь Москвы, предъ завѣтнымъ Кремлемъ,—
И глубокая мысль отразилася въ немъ.

Мысли этой простой не пойметъ тотъ одинъ,
Кто привыкъ мѣрить Русь на заморскій аршинъ;

Для кого нашъ Иванъ оттого только плутъ,
Что его Аристидъ иль Катонъ не зовутъ,

И по мнѣнью кого голова, напримѣръ,
Былъ бы вдвое умнѣй, еслибъ звался онъ меръ.

Да, вглядитесь, та мѣдь чуднымъ смысломъ полна!
Для меня какъ символъ выражаетъ она —

Образъ кровныхъ, родныхъ, вѣковыхъ нашихъ узъ:
То съ народомъ бояръ добровольный союзъ,

Безобманный завѣтъ между русскихъ людей
Предъ лицемъ алтаря, у престола царей,

Чѣмъ крѣпка на Руси межъ дѣтьми ея связь.
Въ дѣлѣ земскомъ сошлись гражданинъ здѣсь и князь,

И надъ ними въ выси крестъ Кремлевскій горитъ.
«Князь!, «мнѣ слышится, такъ гражданинъ говоритъ:

«Мечъ начальства прими. Мы пойдемъ за тобой
«И за матушку Русь станемъ крѣпко стѣной;

«Храмы Божьи и тронъ отстоимъ, оградимъ,
«И въ обиду родной никому не дадимъ.

«Ты веди лишь; а мы не отстанемъ, повѣрь;
«Всѣ пойдемъ за тобой и всегда, какъ теперь.

«Но пойдемъ за тобой на условьи такомъ,
«Чтобъ ты былъ впереди—и вездѣ, и во всемъ.

«На себя мы беремъ—черный трудъ, ломовой;
«Ты, князь, также трудись, но трудись—головой.

«Благороднымъ тебя будемъ мы величать,
«Будемъ крѣпко въ любви и почетѣ держать;

«Такъ не выдай же насъ, не стыди,—поддержи
«Благородство свое благородствомъ души.

«Уступаемъ тебѣ мы перёдъ не затѣмъ,
«Чтобы чванился ты только родомъ однемъ:

«Нѣтъ, болярииъ, затѣмъ, чтобъ о насъ ты болѣлъ,
«Чтобы вѣрно Царю, честно Руси радѣлъ.

«То не знатности, князь, не богатству почетъ:
«Чтитъ народъ правоту, любитъ доблесть народъ.

«Уступаемъ тебѣ мы перёдъ потому,
«Чтобъ примѣромъ намъ былъ по душѣ и уму,

«По желанью добра, правотою своей;
«Чтобъ не совѣстно намъ было добрыхъ людей;

«Чтобъ тобой на Руси, о, бояринъ и князь!
«Отъ престола до насъ была кровная связь;

«Чтобъ Царю для людей дать полезный совѣтъ,
«И чтобъ намъ передать вѣрно царскій завѣтъ;

«Чтобъ живя между насъ, могъ по совѣсти ты
«Передъ тронъ положить наши всѣ тяготы.

«Царь одинъ на Руси, и родному, Ему,
«Какъ ни рвись Онъ, вездѣ не поспѣть Самому.

«Чтобы насъ уберечь, чтобъ все вѣдать и знать,
«Между васъ будетъ Онъ вѣрныхъ слугъ выбирать.

«Вотъ, бояринъ, ты тутъ намъ себя покажи!
«Нѣтъ, не титломъ пустымъ, по дѣламъ докажи,

«Что ты преданъ Царю, что ты любишь народъ,
«Что онъ дѣльно тебя благороднымъ зоветъ.

«Стой за правду горой, не мытарствуй, не лги,
«А народный алтынъ какъ свой глазъ береги;

«Предъ зерцаломъ въ судѣ, передъ знаменемъ въ строю
«Помни Бога и честь, помни совѣсть свою.

«Коль незнаешь чего, сознавать не стыдись;
«Въ чемъ не силенъ—за то, о, за то не берись!

«Не хотѣлъ иль не зналъ, намъ не все ли одно,
«Если терпитъ народъ отъ обоихъ ровно?

«Помни то̀, что вѣдь ты не одной головой,
«Что кудабъ ты ни шелъ, мы идемъ за тобой.

«Ты обманешь Царя, но, бояринъ, не насъ:
«Мы вѣдь міромъ глядимъ, а у міра сто глазъ.

«И какихъ ты личинъ ни надѣнь на себя,
«И ужъ какъ ни хитри, разгадаемъ тебя,—

«Разглядимъ, огласимъ,—будетъ стыдно тогда.
«Отъ народной хулы не уйдешь никуда.

«Такъ, бояринъ, кудабъ тебя Богъ ни привелъ,
«Дѣлай такъ, чтобъ законъ съ тобой объ руку шелъ;

«И на Русь не гляди какъ татарскій баскакъ:
«Не считай, что ты панъ, а народъ—твой батракъ;

«Что, поставленъ Царемъ судъ и правду творить,
«Можешь свой произволъ намъ въ законъ обратить.

«На Руси, не взыщи, такъ водилось и въ-старь:
«Господинъ—только Богъ да ея Государь.

«Будь старшо̀й; но престолъ и законъ надъ тобой:
«Предъ святынею ихъ мы равны межъ собой.

«Будь старшо̀й, въ добрый часъ! но какъ мы—гражданинъ,
«Для отечества ты только старшій лишь сынъ.

«Будь межъ нами старшо̀й; но, какъ старшій нашъ братъ,
«Въ каждомъ лихѣ у насъ будешь ты виноватъ:—

«Потому-что тебѣ свѣтъ и сила даны,
«И познанья; а мы,—мы, бояринъ, темны;

«Потому-что вездѣ за тобою идемъ,—
«Мы неправы,—знать, ты шелъ неправымъ путемъ;

«Мы порочны,—то ты намъ пороки привилъ;
«Кривда въ насъ завелась,—ты насъ кривдѣ училъ;

«Въ беззаконья вдались,—ты закономъ игралъ,
«Ты его оскорблять намъ примѣръ показалъ.

«Такъ ко всякому злу отъ тебя идетъ слѣдъ,
«И за всякое зло ты дашь Богу отвѣтъ.

«Да, бояринъ, у насъ ты причиной всего!
«Кому много дано, много спросятъ съ того.

«Такъ веди-жь насъ; а мы за тобою пойдемъ;
«Но веди только насъ всюду правымъ путемъ.

«И доколь нашъ завѣтъ будешь свято хранить,—
«Нашей Руси родной никому не сломить;

«И не будетъ дотоль въ мірѣ царства сильнѣй,
«И народы придутъ и поклонятся ей,

«И богата она будетъ всякимъ добромъ,
«А Царь бѣлый ея надъ царями царемъ!...»

—

1 Января 1854 года.

Тяжело возсталъ надъ міромъ
Пятьдесятъ-четвертый годъ.
Не вездѣ-то встрѣтилъ пиромъ
Гостя новаго народъ;
Вѣдь не всѣ, какъ Русь святая,—
И богата, и сыта,—
За царемъ своимъ, родная,
Что за пазухой Христа.
Посмотрите, западъ хилый,
Переживші̆й все старикъ,
Остальныя тратитъ силы
Въ корчахъ козней и интригъ.

Все, чѣмъ живо государство,—
Вѣра, вѣрность, правота,—
Все подъѣло тамъ коварство,
Злоба, завистъ, нищета.
Всякій хочетъ править, братцы,
Всякій, кто во что гораздъ;
Вотъ и лѣзутъ съ-дуру драться,
Вотъ и злобятся на насъ!
Мудрено ль, что имъ завидны
Наша слава, нашъ покой,
Что, отступники! безстыдно
Угрожаютъ намъ войной?
Русь—защита царскихъ троновъ,
Русь—спасенье алтарей,
Правой власти—оборона,
Страхъ и ужасъ мятежей;
Русь—слабѣйшаго ограда,
Русь—безвѣрію упрекъ,
070козням сильнаго—преграда,
Безначалію—урокъ!—
Эту Русь, для васъ, народы,
Фабриканты мятежей,
Провозвѣстники свободы
Средь насилій и цѣпей,—
Эту Русь, ее, что вѣчно
Какъ бѣльмо вамъ на глазу,—

Вы не любите, конечно,
Словно школьники лозу,—
Эта Русь для васъ всечасно
Тяжела, не понутру;
Но затѣявать опасно
Съ нею бранную игру.
Что ни будь; а, супостаты,
Вамъ ея не проглотить:
Нѣтъ, подавитесь, ребята!—
По горбамъ придется бить.
Тутъ вѣдь салили ужъ губы
Не такіе ѣдаки,
Да сломили на-вѣкъ зубы:
Мы вѣдь жестки, Руссаки!
Позабывъ пору иную,
О другой забывъ борьбѣ,
Нашу родину святую
Вы судили по себѣ?
Нѣтъ, завистники лихіе,
Нѣтъ, расчетъ не вѣренъ вашъ:
Времена теперь другія,
Да Россія-то все та жъ!
Только кликни Царь любимый,
Вся откликнется она,
Прежней вѣрою хранима,
Прежней вѣрностью сильна!

Съ юга, сѣвера, востока
Встанетъ грозный нашъ народъ,
Чуждый страха и упрека,
И стѣной пойдетъ впередъ!
И предъ мощнымъ тѣмъ оплотомъ
Чести, вѣры и царей,
Расшибетесь вы, народы,
Въ буйной ярости своей.
Пусть вы хитры, пусть васъ много,
Не осилить Руси вамъ:
Наша сила—вѣра въ Бога
И довѣренность къ Царямъ! . . .

Молитва.

1856.

И я, какъ всѣ, я вѣрилъ тоже
Въ могущество земли родной;
И я забылъ, прости мнѣ, Боже!—
Что царства крѣпки лишь Тобой.

Теперь, подъ гнетомъ обличеній,
Въ сознаньи немощи своей,
Мы клонимъ, Господи, колѣни
Предъ свѣтомъ мудрости Твоей.

Не помяни гордыни нашей,
И суеславье отпусти;
И тѣмъ,—что бренной славы краше,—
Насъ духомъ правды просвѣти;

Чтобы могли мы безпристрастно
Себя судить, и осудить
Все то, что въ насъ нечестно, грязно,—
Все то, что должно намъ омыть.

Избави насъ отъ навожденья
Корысти духа, сатаны;
Дай силъ и воли къ возрожденью
Родимой нашей стороны.

Послѣдній штурмъ Севастополя.

Исполать тебѣ, богатырь лихой,
Севастополь нашъ, крѣпость вѣрная!
Прослывешь ты *злымъ*, какъ Козельскъ другой,—
Обороною безпримѣрною!
Міру цѣлому ты загадкой сталъ:
Не возметъ онъ въ-толкъ, не пойметъ никакъ,
Чѣмъ держался онъ, твой разбитый валъ,
Противъ всѣхъ огней, противъ всѣхъ атакъ.
Не въ-домекъ, знать, имъ, не понять врагамъ—
Вѣрность русскую непонятную!
Нѣтъ, не стѣны намъ, это мы стѣнамъ
Дали силу ихъ непонятную.
Слава вѣчная, исполать тебѣ,
Севастополь нашъ, богатырь лихой!

Вѣрой-правдою въ роковой борьбѣ
Постоялъ, боецъ, ты за край родной!
Только Божіимъ попущеніемъ,
Руси недруги, ваша верхъ взяла:
Жертвой честною очищенія
Крѣпость вѣрная за нее легла!
Не кичитесь-же, не хвалитеся:
Торжество еще далеко отъ васъ;
Пуще прежняго берегитеся,—
Горе тяжкое не сломаетъ насъ!
Обуялъ насъ грѣхъ, мы забылися,—
Вы возвали насъ къ очищенію;
Одолѣлъ насъ сонъ, вы явилися:
Рады ль будете пробужденію?.. .
Огнемъ золото, Русь невзгодами
Очищается, обновляется.
Тѣмъ могучи мы межь народами,
Что въ насъ преданность не шатается;
Что умѣемъ мы гнѣвъ Создателя
Несть съ покорностью и смиреніемъ,—
Умолить Его, благъ подателя,
Нашей твердостью и терпѣніемъ;
Что въ бѣдѣ, нуждѣ стороны родной
Мы съ отечествомъ не считаемся,
И вокругъ царей, что живой стѣной,
Крѣпче прежняго собираемся.

Міру вѣдомо, всѣ вы знаете,
На Руси врагу тяжелы пути;
Скоро годъ какъ вы порываетесь;
А далеко ль вамъ удалось уйти?....
Здѣсь вашъ первый шагъ на Руси святой,—
Просимъ далѣе дорогихъ гостей;
Всюду встрѣтите вы пріемъ такой,
Туже Русь вездѣ вы найдете въ ней.
Кровью купите каждый шагъ въ ней вашъ,
Припасемъ мы вамъ голодъ съ жаждою,
Москвой станетъ вамъ каждый городъ нашъ,
Севастополемъ крѣпость каждая.
Хоть и незваннымъ, дорогимъ гостямъ
Поусердствуемъ угощеніемъ:
Мало арміи для почета вамъ,—
Есть за ней у насъ ополченіе—
Не нарядное, не ученое,
Ратникъ съ поля взятъ, бородой обросъ;
Но сломить его—вещь мудреная,
Онъ стоитъ-себѣ словно въ землю вросъ.
Не грозимъ мы вамъ, не коримъ мы васъ—
Дѣло слабаго грозить попусту;
А вы знаете не сегодня насъ.
Рѣчь безъ хитрости ведемъ попросту,
Что придетъ пора, намъ поможетъ Богъ,
И за все про все мы сквитаемся;

А не вѣрите, подведемъ итогъ,—
Поглядимъ назадъ, посчитаемся!

1856.

Русь! проснися,—время, время!
Встань, мой край родной!
Сбрось постыдной лѣни бремя,
Встань,—Господь съ тобой!

Часъ ударилъ пробужденья,—
Слышишь кличь: *впередъ*!
То на дѣло обновленья
Царь тебя зоветъ.

Край родной, избранникъ Бога,
Ты заснулъ въ пути;
Ты петровскою дорогой
Не съумѣлъ идти.

Замѣнивъ живое дѣло
Грудою бумагъ,
Ты погрязъ душой и тѣломъ
Въ формахъ и словахъ.

И валя чрезъ пень колоду,
Вѣчное авось
Черной немочью народу
Въ плоть и кровь впилось.

Въ каждой сдѣлкѣ ходъ привычный—
Сбыть товаръ лицемъ;
А къ успѣху путь обычный—
Заднее крыльцо.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Оглянись, мой край родимый!
Изъ конца въ конецъ—
Сколько средствъ необозримыхъ
Далъ тебѣ Творецъ,—

Для того ль, чтобъ, молвить больно,
Эту массу силъ,

Рабъ лукавый, добровольно
Въ землю ты зарылъ?

Чтобы, мелочный въ расчетахъ,
Умъ и капиталъ
Ты въ грошёвыхъ оборотахъ
Пошло расточалъ?

Чтобъ, коснѣя въ вѣчной лѣни,
Ты въ застоѣ гнилъ?
Чтобъ твой духъ, чтобъ весь твой генiй
Годенъ только былъ—

На искуство въ ратоборствѣ
Карточной войны,
Иль продѣлки въ крючкотворствѣ?...
Нѣтъ, тебѣ даны

Эти блага Провидѣньемъ,
Чтобы, полный силъ,
Въ Божьемъ дѣлѣ преуспѣнья
Всѣхъ ты упредилъ;

Чтобы, все въ тебѣ кипѣло
Жизнью удалой;
Чтобы шло широко дѣло
Въ уровень съ тобой;

Развернуться чтобъ повадно
Было бы умамъ;
Чтобы все въ тебѣ громадно
Было, какъ ты самъ.

Встань же, Русь! Привычекъ грязныхъ,
Грязной лжи во всемъ,
Всѣхъ неправдъ и козней разныхъ
Сбрось съ себя яремъ;

Чтобы, въ совѣсти спокойна,
Правотой свѣтла,
Къ новой жизни ты достойно
Приступить могла.

Край родимый! пробудися,—
Царь на трудъ зоветъ;
На призывъ тотъ отзовися
Громовымъ: *впередъ!*

И отъ сердца молви слово:
«Царь нашъ молодой!
«Что прикажешь? Русь готова
«Всюду за тобой!»

«Силъ въ насъ много, слава Богу!
Толку не займемъ,—

«Укажи лишь намъ дорогу,
«А ужъ мы пойдемъ.»

Современная дума.

Если въ обществѣ я подмѣчаю порой,
Какъ иной политическій фатъ,
Раздраженнымъ тщеславьемъ, бѣдняга, больной,
Доморощенный нашъ Геростратъ,
Гдѣ нибудь въ уголку вкругъ себя соберетъ
Нищихъ духомъ убогій соборъ,
И, рисуясь предъ нимъ, околесную вретъ,
И городитъ неписанный вздоръ,
И, довольный сердечно, безвредный чудакъ,
Что калѣкъ озадачить успѣлъ,
Утверждаетъ, что въ мірѣ идетъ все не такъ,
Что порядокъ вещей устарѣлъ,
Что для блага людей опрокинуть должно
Вверхъ ногами общественный складъ,

Что вотъ онъ все бъ устроилъ отмѣнно умно,
Да вишь слушать его не хотятъ:
Мнѣ бъ хотѣлось тогда чудаку на ушко
Потихонько сказать: не шуми!
Что̀ порочишь ты такъ безтолково, легко,
Создано не такими людьми!
Вспомни то, что сказалъ величайшій изъ всѣхъ
Реформаторовъ міра: что Онъ
Въ міръ пришелъ, чтобъ не міръ уничтожить, а грѣхъ;
Чтобъ блюсти, а не рушить законъ.
Если золъ ты на свѣтъ, точно правду любя,
То не тронь въ немъ порядокъ вещей;
Но исправь-ка сперва, мой почтенный, себя,
Отучи отъ неправды людей.
Вѣдь не случай одинъ правитъ міромъ, о нѣтъ!
И застою не можетъ въ нёмъ быть,
И духъ вѣка подастъ въ свое время совѣтъ,
Какъ и что въ немъ должно измѣнить.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Если жидкость дурна, если скислось вино;
То куда ты его ни налей,
Только каждый сосудъ замараетъ оно,
Но не будетъ, не станетъ свѣтлѣй.

Если сплавъ нехорошъ, если дуренъ металъ;
То какой ни придай ему видъ,
Въ каждой формѣ, куда бъ отливать ты ни сталъ,
Онъ пороки свои сохранитъ.
Сплаву крѣпость его, чистоту не вернуть
Тѣмъ, что будешь ты формы мѣнять,
И той жидкости ты не очистишь отнюдь
Тѣмъ, что станешь сосуды ломать.
Если дуренъ народъ, если падаетъ край,
Зло проникло въ него глубоко,
Легкомысленно въ томъ не тотчасъ обвиняй
Учрежденья, законы его.
Часто бѣдствій вина потаенна, темна
И народъ непримѣтно мертвитъ;
Но не въ формѣ его учрежденій она
И не въ буквѣ закона лежитъ.
Осторожно вглядись, обсуди, и тогда
Къ убѣжденью, быть можетъ, придешь,
Что въ народѣ самомъ затаилась бѣда,
Что законъ самъ собою хорошъ;
Но въ растлѣнныхъ душахъ нѣтъ почтенья къ нему,
Нѣтъ въ нихъ долга прямаго сознанья,
И народъ загрубѣлъ, стало чуждо ему
Гражданина святое призванье,—
И оставленъ коснѣть въ этой порчѣ, народъ,
Въ этомъ низкомъ растлѣніи нравовъ,

Онъ пороки внесетъ, онъ ту порчу привьётъ
Къ каждой формѣ гражданскихъ уставовъ!

Было бы болото, а черти найдутся.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Поздняя забота
Каяться по смерти;
Было бы болото—
А найдутся черти,

Гакъ о дѣлѣ братцы;
Гакъ мы разсуждаемъ,
Іто-же удивляться
Ежели встрѣчаемъ
Въ каждомъ дѣлѣ тину,
Іасѣкомыхъ разныхъ,
Ілута и дубину,
Фокусниковъ грязныхъ
Гакъ то вотъ и стало
Дѣло, что трясина
І въ него набралось
Всякой чертовины.
Іортъ хоть изворотливъ,
Гочно ловкій малый,
Гибокъ и угодливъ;
Да онъ злу начало.
Кража—не работа,
Жито—не крапива
Грязное болото—
Іе честная нива.
Радость господина,
Іива плодотворна;
Топкая трясина
Смрадна и тлетворна.
Такъ-то, такъ; да нива
Требуетъ ухода,
Грязь неприхотлива,

Безъ причудъ болото.
Съ той пренебреженьемъ
Дѣло изурочишь,
Въ эту безъ зазренья
Плюй себѣ какъ хочешь.
Ко́лосъ заломаешь —
Онъ уже не встанетъ;
Мохъ топчи какъ знаешь,
Тотъ вѣдь не завянетъ.
Что же за охота
Съ нивою возиться,
Если и болотомъ
Можно обойтиться?
Можно-то извѣстно,
Можно безъ сомнѣнья;
Только неумѣстно
Послѣ сожалѣнье.
Вѣдь на то болото,
Чтобъ оно марало,
Тѣхъ, кому охота
Въ немъ гулять припала.
Кто взлюбилъ трясину,
Диво-ль, что случится
Часомъ въ грязь и тину
Самому ввалиться.

Русскія элегіи.

Все это было бы смѣшно,
Когда бы небыло такъ грустно.

М. Лермонтовъ.

I.

Я подавленъ, убитъ, разоренъ, пораженъ!
Это—нѣтъ, ни-на-что непохоже!
Ни съ того, ни съ сего человѣкъ отрѣшенъ,
Точно старая брошенъ рогожа!
Вотъ она какова нынче правда у нихъ,—
Новомодное ихъ безпристрастье!
И за что и про что, чѣмъ я хуже другихъ,
Отчего мнѣ такое несчастье?...

Безпорядка въ дѣлахъ не терпѣлъ никогда;
Форма строго во всемъ соблюдалась;
Сколько должно кому, вотъ ей-Богу, всегда
Акуратно сполна отдавалось.
Говорятъ, что я бралъ, что безсовѣстно кралъ,
Что сгубилъ себя кражей такою;
Такъ и мѣсто же я не интригой досталъ,
Не протекціей что-ли какою:
Нѣтъ, его я купилъ, за него заплатилъ
Чистоганомъ, сполна до копѣйки,
Да правителю дѣлъ сверхъ того подарилъ,
Да Амальѣ Андревнѣ злодѣйкѣ.
Какъ-же могъ я не брать? надо-жъ было собрать
Капиталъ свой, судите вы сами;
Надо-жъ было гдѣ взять, чтобъ и старшимъ-то дать:
Вѣдь на то они власти надъ нами!
И теперя за то, будто Богъ знаетъ что,
Человѣка вдругъ мѣста лишили.
А когда я вступалъ, не смѣнять ни-за-что
Уговоръ на пять лѣтъ заключили....
И дивятся потомъ, что въ Россіи ни въ чемъ
Нѣтъ въ народѣ довѣрья, кредита;
Что подлогъ и обманъ одолѣли во всемъ,
Что промышленость ими убита,
Что комерція насъ, что компаньи у насъ
Для подписчиковъ только ловушки...

Гдѣ-жь торговлѣ тутъ быть? Вотъ образчикъ для васъ,
Что у насъ договоры — игрушки!
Обѣщаютъ, сулятъ, оберутъ, разорятъ,
А потомъ на попятный безстыдно!
Ну, проситель пускай; а то свой-же имъ братъ,—
Вѣдь вотъ это-то мнѣ и обидно!.....
Хоть правитель бы дѣлъ, мало что-ли имѣлъ
Отъ меня онъ, проклятый, поживы;
А до дѣла дошло, отстоять не съумѣлъ,
Выдалъ тотчасъ Іуда плѣшивый!
Говоритъ старый плутъ, что напрасный бы трудъ
Это былъ, что начальникъ-де новый—
И законникъ, и строгъ, и характеромъ крутъ,
Вообще человѣкъ пресуровый,
Все толкуетъ про честь, хочетъ взятку известь,
И меня-де избралъ для примѣра.
Ну, положимъ, что такъ, да на все-же вѣдь есть
Заведенный порядокъ, манера.
Гдѣ-жъ бывало когда, чтобы такъ, безъ суда,
Какъ изъ дому паршивую шавку,—
Съ позволенья сказать, словно блудню кота,—
Выгонять человѣка въ отставку?
Виноватъ; ну, меня и предай онъ суду;
Но на мѣстѣ оставь до рѣшенья....
А на мѣстѣ къ суду я дорогу найду,
Все-жъ покрайности нѣтъ разоренья!

Судъ, конечно, возьметъ; но и мнѣ припадетъ
 Отъ мѣстечка. А судъ показанья
Той порой разберетъ, упущенья найдетъ—
 Ну, и сдѣлаетъ мнѣ замѣчанье.
Если-жь часомъ не то, и откроется что,
 Тамъ какое ни есть преступленье;
Ну, заплатишь тогда подороже за то,—
 И оставятъ тебя въ подозрѣньи.
Заплатить ничего, если есть изъ чего,—
 Изъ чужаго платить не обидно;
А вѣдь нынче подъ судъ да и съ мѣста его,—
 Вотъ какъ дѣйствовать стали эхидно!
Такъ-то злостно они и меня подвели:
 Вдругъ хватили какъ óбухомъ въ темя!
А друзья-то, злодѣи, сберечь не могли,
 Поддержать хоть на первое время,—
Хоть пока перейдетъ эта валка съ-плеча,
 Что при новыхъ начальствахъ бываетъ.
Натурально! сперва все идетъ сгоряча,
 Гдѣ начальникомъ новый вступаетъ.
Начинаетъ тотчасъ исправленье во всемъ,—
 Все, что старое, гнётъ и ломаетъ,
Рветъ и мечетъ кругомъ, все поставитъ вверхъ дномъ,
 Добродѣтели силой вбиваетъ,—
И крутитъ, и вертитъ, недоволенъ ни чѣмъ,
 Пока одурь возьметъ и, усталый,

Онъ рукою махнетъ: «Провались вы со всѣмъ!»—
И пойдетъ все, какъ прежде бывало.
Чаще-жь право, притомъ дѣло вовсе не въ томъ,
Чтобъ въ самомъ-дѣлѣ вводить улучшенья;
Нѣтъ, а просто открыть въ управленьи своемъ
Для друзей и родныхъ помѣщенье.
Да и кромѣ того, будь начальникъ Катонъ,
Будь какъ хочешъ правдивъ неподкупенъ,
Святъ и строгъ, какъ законъ,—все-жь не каменный онъ
И откуда нибудь да доступенъ.
Штука—гдѣ этотъ ходъ! Ловкій сыщетъ, дойдетъ—
Чѣмъ начальничье слабо сердечко:
Пусть онъ самъ не беретъ,—Маша, Даша возьметъ,
Къ нимъ вѣдь тоже есть сзади крылечко.
Можно, сбросивъ мундиръ, и съ дворецкимъ въ трактиръ
Завернуть, и съ курьеромъ сойтиться...
Вотъ пружины!—на нихъ весь служебный нашъ міръ
Часто, часто, повѣрьте, вертится.
Лишь не-будь гордецомъ, пусть зовутъ подлецомъ,
Вѣдь тебя отъ того не убудетъ!—
Про тебя-жъ той порой позамолвятъ словцо,
И начальство грѣшки призабудетъ....
Смотришь: время прошло и грозу пронесло;
А пружину подáвите ловко,—
Что на плаху вело, награждать ужъ пошло...
Въ службѣ, вѣрьте, нужна лишь снаровка.

II.

Что ты, Петръ Кузьмичъ, помилуй!
Ну, въ своемъ ли ты умѣ?
Вѣдь подслушаютъ, мой милый,—
Такъ достанется и мнѣ.
Что за скверная повадка
Нынче, право, завелась:
Всѣмъ далось одно, что взятка
Въ плоть и кровь у насъ вплелась;
Что страдаетъ государство
Отъ пристрастія во всёмъ;
Что служебное мытарство
Ужъ пора унять путёмъ;
Что оно-де и безчестно,
И постыдно, и грѣшно....

Это, братецъ, всѣмъ извѣстно,
Да кричать-то не должно.
Вѣдь иной еще начальникъ
Скажетъ просто: либералъ!
Вотъ у насъ столоначальникъ
Этакъ мѣсто потерялъ.
Проводили безъ поклоновъ,—
Да никто и виноватъ:
Зарядилъ одно: законы,—
Да и чортъ ему не братъ!
Горяченекъ былъ, сердечный,
Мало-ль чтò законъ и честь!
Святъ законъ—оно, конечно,
Да всему-же мѣра есть.
До того забылся, братецъ,
Что ей-ей,—смѣшно сказать!—
Разъ одинъ пустой докладецъ
Вдругъ не хочетъ подписать.
Мы ему и такъ, и этакъ,—
Онъ себѣ свое пошёлъ;
Такъ-что даже на послѣдокъ
Самъ совѣтникъ подошёлъ.
Всякъ другой безъ разсужденья
Съ разу бъ выскочку подсѣкъ;
Этотъ принялъ въ уваженье,—
Предобрѣйшій человѣкъ!—

Что-де молодъ, не понятно
Дѣло новое ему;
Ну, и началъ деликатно,
Словно сыну своему:
«Вы всё, батюшка, въ эфирѣ,
«Все мечты еще у васъ;
«А въ служебномъ нашемъ мірѣ
«Младшій старшимъ не указъ.
«Вамъ тутъ нечѣмъ затрудняться,—
«Я читалъ уже докладъ.
«Надо, батюшка, стараться
«Дѣлать такъ, какъ вамъ велятъ.
«Вы теперь ужъ не въ лицеѣ,
«Дѣло нечего держать;
«Подпишите-ка скорѣе
«Да извольте мнѣ подать.»
Ну, ужъ точно распотѣшилъ!
А чудакъ-то нашъ, чудакъ,
Что жъ ты думаешь, опѣшилъ?
Покорился? Какъ не такъ!
«Извините отвѣчаетъ,
(Вотъ ей-Богу я не лгу)
«Мнѣ присяга запрещаетъ,—
«Подписать я не могу.
«Я увѣренъ, предсѣдатель
«Согласится самъ со мной....»

Вотъ куда пошёлъ пріятель,—
Такъ забудется иной!
Тутъ, какъ хочешь ужъ, терпѣнья
Не хватило бъ ни чьего...
Все вѣдь даже отдѣленье
Посмотрѣло на него.
Мы ужъ думали—ряхнулся
Нашъ чудакъ, съ-ума сошёлъ;
А совѣтникъ отвернулся
И въ присутствіе пошёлъ;
Ну, а тамъ..... Очную ставку
Вѣдь со старшимъ не дадутъ;
Приказали взять отставку,
И законнику капутъ!
Вотъ на ваши всѣ затѣи
Какъ начальство то глядитъ,
И подобныя идеи
Поставляются на видъ.
Такъ то, Петръ Кузьмичь любезный.
Полно вздоръ-то городить;
Все вѣдь это безполезно,—
Можетъ даже повредить.

III.

Слушай, Петръ Кузьмичь, какъ хочешь,—
Я съ тобою не знакомъ!
Ну, рѣшительно нѣтъ мочи
Говорить съ тобой о чёмъ!
Ты такую забралъ волю;
Но, любезнѣйшій, тебѣ,
Какъ ты хочешь, не позволю
Говорить такъ о себѣ.
Мнѣ твой батюшка покойный
Сослуживецъ былъ и другъ,—
И о мнѣ такъ непристойно
Отзываться смѣешь въ слухъ?!
На какомъ то гражданинѣ
Помѣшался цѣлый свѣтъ;

Но тебѣ, въ твоемъ братъ, чинѣ,
  За другими лезть не слѣдъ.
И за что-жъ меня, помилуй,
  Гражданиномъ называть?
Старика тебѣ, мой милый,
  Грѣхъ и стыдно обижать.
Я не шустеръ, не каретникъ,
  Не купеческій я сынъ,
Я колежскій, братъ, совѣтникъ,—
  Такъ какой-же гражданинъ?....
Хоть изъ оберъ-офицерскихъ
  Если-бъ даже могъ я быть;
Все-же, братецъ, это дерзко
  Такъ о старшихъ говорить;
Ну, а мы притомъ дворяне....
  То-то некому васъ сѣчь!
Видишь, все у нихъ граждане;
  О гражданахъ только рѣчь;
Гражданинъ-де долженъ этакъ,
  Гражданинъ-де долженъ такъ;
Что-жъ, въ самъ-дѣлѣ, на послѣдокъ
  Не сидѣть же на тощакъ!
Радъ я вѣрить, что пріятно—
  Вѣрой, правдою служить;
Да съ нуждой-то непощадной,
  Да съ семьей-то какъ же быть?
Нынче, братецъ, манна съ неба

Не накормитъ вѣдь людей,
Какъ копейки двѣ фунтъ хлѣба,
Да полъ дюжины дѣтей,
Нѣту приступу къ квартерамъ,
А дрова-то пять рублевъ,
Такъ, братъ, этакимъ манеромъ,
Хоть не радъ, да будь готовъ.
Тяжело оно, извѣстно,
Больно, братецъ, спору нѣтъ;
Что-же, если служба честно
Просто роскоши предметъ;
И выходитъ служба эта
Недоступна вовсе намъ—
Такъ-же точно, какъ карета
Иль балетная мадамъ.
Хорошо, тебѣ родитель
Призапасъ на цѣлый вѣкъ:
(Онъ недаромъ былъ смотритель
Магазина цѣлый вѣкъ!)
Не былъ онъ, какъ ты, мечтатель,
Не гнушался пятаковъ;
Упокой его, Создатель!
Не любилъ онъ пустяковъ.
Чай, теперь и въ жизни вѣчной
Онъ, бѣдняжка, слезы льетъ,
Убивается сердечный,
Какъ сынокъ себя ведетъ.

Право, Петръ Кузьмичь, послушай
Стариковскій мой совѣтъ:
Не читай ты, братъ Петруша,
Этихъ книжекъ да газетъ.
Сочинительскимъ то вздорамъ
Ты, пожалуйста, не вѣрь;
Вѣдь по всѣмъ ихъ приговорамъ
Нашъ братъ просто дикій звѣрь!
Вишь, народъ какой сердитый!
Да легко имъ толковать:
Вещь извѣстная, имъ, сытымъ,
Насъ, голодныхъ, не понять!

IV.

Ну, ужъ времячко, ей-Богу,
Удивляюсь только я:
Всяко лыко ставятъ въ строку...
Это, просто нѣтъ житья!
Чуть немного незаконно,
Чуть вотъ что̀ не доглядѣлъ,
Ради рушить заведенный
Искони порядокъ дѣлъ;
Подымаютъ шумъ, крамолу
Изо всякихъ пустяковъ;
Въ этомъ вѣрность-де къ престолу
И къ отечеству любовь....
Вѣдь и мы, отцы родные,
Не татары, говорю:

Не предатели какіе,
Не измѣнники Царю;
Служимъ тоже безпорочно —
Вотъ и пряжки есть у насъ....
Ну, пускай, бываетъ, точно,
Покривишь душой подъ-часъ;
Такъ подрядчикъ—не отчизна,
И казна — не такъ бѣдна,
Что за это укоризна
Насъ преслѣдовать должна;
Чтобы каждый сочинитель
Противъ насъ изъ кожи лѣзъ,
Словно каждый ужъ проситель
Есть казенный интересъ!
Богъ ихъ знаетъ, что такое!
Ну, пускай бы въ плутовствѣ, —
Просто-на-просто въ разбоѣ
Обвиняютъ, въ воровствѣ!
Не беремъ-же мы насильно,
Не съ ножемъ изъ-за-угла;
Принимаемъ что посильно
Намъ причтется за дѣла.
Развѣ кто ужъ разобидитъ,
Такъ законецъ подвернешь,
Или не-хотя, Богъ видитъ,
Попридавишь, поприжмешь.
Такъ вольно-жъ иному скрягѣ

Благодарность забывать,
И измѣною присягѣ
Можно-ль это называть?.....
Безъ того ужъ нынче люди—
Только горе съ ними намъ:
Всякій рядитъ, всякій судитъ,
Всякъ въ законы лѣзетъ самъ.
То ли дѣло, какъ все стройно
Шло, бывало, въ старину;
Какъ служили всѣ спокойно;
Всякій зналъ свою вину;
Всякій вѣдалъ досконально,
Какъ, кому и много-ль дать
И когда, кого формально
И на сколько поздравлять;
Всякъ, скопивъ себѣ достатокъ,
Убирался безъ потерь;
А кричать-то противъ взятокъ
Такъ не смѣли, какъ теперь!
Нѣтъ, подобнаго нахальства
Не стерпѣли-бъ никогда,—
Потому-что и начальство
Брать изволитъ иногда.
Нынче жъ смотрятъ всѣ такъ строго,—
Просто, просто, нѣтъ житья!
Ну, ужъ времячко, ей-Богу,
Удивляюсь только я!....

Ханжѣ.

Ихъ вѣра въ колокольномъ звонѣ...

Съ польскаго.

Ты вѣчно толкуешь о Богѣ
И строго блюдешь всѣ посты,
На каждомъ церковномъ порогѣ
Съ размахомъ творишь ты кресты,
Читаешь священныя книги,
Говѣешь въ годъ нѣсколько разъ, —
Напрасно! надѣнь хоть вериги,
Ханжа, не обманешь ты насъ!
Не постъ и молитва прорыли
Морщины на блѣдномъ лицѣ;
Чело желтизною покрыли
Не думы о вѣчномъ Творцѣ—
Нѣтъ, чуждъ ты Христова ученья:
Для черстваго сердца оно,

Ученье любви и прощенья,
Всегда оставалось темно.
Въ наружные только обряды
Ты вѣру свою заключилъ;
Но всюду, гдѣ могъ, безъ пощады,
Безъ жалости ближнихъ душилъ.
Притворной враждою къ порокамъ
Вездѣ прикрывая себя,
Чернишь и клевещешь жестоко
Ты все, что достойнѣй тебя.
Коснѣя въ безсмысленной злобѣ
И завистью вѣчно томимъ,
Ты ближняго гонишь и въ гробѣ
Судомъ непощаднымъ своимъ.
И чёрствую душу всечасно
Грызетъ себялюбья змѣя;
Ты все ненавидишь, несчастный,
Единственный богъ тебѣ: *я*.
Напрасно-жъ ты набожно въ небо,
Вздыхая, возводишь глаза:
Изъ камня не сдѣлаешь хлѣба;
Мы знаемъ, что градъ—не роса.
Да, чуждъ ты Христова ученья:
Для чёрстваго сердца оно,
Ученье любви и прощенья,
Останется вѣчно темно!

Недоимки.

Сельская идиллія.

Знать, дѣло-то важно, что староста Власъ
Самъ ходитъ по избамъ да носитъ указъ;
Начальство велитъ-де, не-много, не-мало,
Собрать недоимки во что̀ бъ то ни стало.

Со старостой ходитъ и сельскій писецъ,
Изгнанникъ изъ службы, чиновникъ-дѣлецъ,—
Нерѣдкое, впрочемъ, въ Россіи явленье!
У насъ писаря волостнаго правленья

Отнюдь не бездѣлка въ быту мужика;
Затѣмъ я объ этомъ замѣчу слегка.
Игнатій Семенычъ служилъ и въ палатѣ.....
Да гдѣ не служилъ онъ! въ судѣ, въ магистратѣ;

Но какъ-то, на-долго нигдѣ не терпимъ,
За правду и честность былъ всюду гонимъ,
И даже, при всей этой честности строгой,
Не разъ обвинялся въразличныхъ подлогахъ,—

Конечно, по злобѣ; но Богъ-то великъ:
Всегда недостатокъ былъ явныхъ уликъ,—
И недругамъ въ пику судебнымъ рѣшеньемъ
Онъ былъ оставляемъ въ одномъ подозрѣньи.

И только, едва-ль не въ девятый ужъ разъ,
Его разобидѣлъ сенатскій указъ.
Сенаторы, слышно, съ нимъ личность имѣли
И навѣкъ изъ службы изгнать повелѣли.

Тогда-то любовью къ отчизнѣ горя,
Онъ въ сельскомъ правленьи вступилъ въ писаря.
И здѣсь пріютился какъ крыса въ амбарѣ:
Завелъ себѣ домикъ и ѣздитъ на парѣ;

Дѣла заправляетъ, вертитъ головой,
И ласковъ отмѣнно къ нему окружной.
Крестьяне все это заподлинно знали;—
Защиту и милость его покупали,

Къ нему разбираться ходили во всемъ;
Но между собою честили жидомъ.

Игнатій Семенычъ за этимъ не гнался:
Философъ, онъ брани давно не боялся;

По нуждѣ крестьянамъ въ займы раздавалъ
И даже процентовъ за это не бралъ,
Считая грѣхомъ лихоимство такое....
Долги-же сбиралъ онъ продуктами втрое.

Такъ жилъ мой изгнанникъ, спокоенъ и сытъ
Но съ писаремъ староста нами забытъ.
А староста ходитъ межъ-тѣмъ да бранится;
Начальство вишь строго,—его онъ боится,—

Сполна недоимку велѣло собрать;
А кто-де не можетъ, скотину продать.
Божится, что радъ бы не дѣлать прижимки,
Да сказано: взыщутъ съ него недоимки.

Въ деревнѣ, извѣстно, неграмотенъ людъ:
Кажи имъ бумагу,—небось, не прочтутъ;
Вали на начальство, оно вѣдь далеко,
Хотя и зовется всевидящимъ окомъ...

Бываетъ и близко; да только у тѣхъ
Причины есть Власамъ не дѣлать помѣхъ...
Но дѣло не въ этомъ,—мы заняты Власомъ...
А онъ полъ-деревни прошелъ ужъ тѣмъ часомъ,

И въ каждую избу, куда ни придетъ,
Вездѣ его встрѣтитъ привѣтъ и почетъ;
Но всюду, сначала, мой Власъ бородатый
Сердито и грозно потребуетъ платы;

Вездѣ онъ заводитъ одинъ разговоръ:
«Давай недоимку, Иванъ иль Егоръ!»
—А сколько, кормилецъ, считаютъ за мною?
Кажися, вѣдь внесъ я прошедшей весною—

«А кто тебя знаетъ,—вѣдь ты не одинъ!
«Аль твой-то дороже другаго алтынъ?
«Какъ въ книгу не вписанъ, такъ, значитъ, въ порядкѣ.»
«—Игнатій Семеныч, взгляни-ка въ тетрадкѣ.»

И съ важностью писарь тетрадь развернетъ,
Очки нахлобучитъ и громко прочтетъ:
«Лежитъ недоимки съ семьи Горбылева,
«Егора, три гривны да восемь цѣлковыхъ»

—Егоръ-то я точно, Егоръ Горбылевъ....
Ужли-жъ и въ-заправду тамъ восемь рублевъ?
Сдается, родимый, что не было столько.
Эхъ, нѣту Аксиньи,—та помнила сколько.—

Тутъ писарь замѣтитъ съ улыбкой тупой,
»Такъ что-жъ, братъ, знать, въ книгѣ подлогъ есть какой?

«Ну, если не вѣришь, то жалуйся выше!»
—Да жалится что̀ ужъ....—«Такъ будь-же потише.

«Съ начальствомъ-то, братецъ, не спорь, не безчесть!
«Коль сказано восемь, такъ восемь и есть»
«Вѣстимо, что̀ спорить? знать, такъ ужъ и будетъ,
Какъ тамъ твоя милость, кормилецъ, разсудитъ.

Да, Власъ Емельянычъ, ей-Богу не въ-мочь!
Гдѣ-жь взять-то всѣ разомъ? помилуй, разсрочь!
Теперь и пяти не сберемъ всей семьею,—
Возьми половину, покончу зимою.

Зимою, извѣстно, вольготнѣй вносить;
Заставь-же, кормилецъ, вѣкъ Бога молить!—
«Ужъ это твои, братъ, не наши разсчеты;
«Не можешь, такъ лошадь сведемъ за вороты.»

—Эхъ, Власъ Емельянычъ! вѣдь я не бобыль,—
Не то, чтобы сѣялъ по степи ковыль;
Дай сроку немного, съ деньгой соберуся,—
И будь ты надеженъ: сполна разочтуся.

«Нельзя: отъ начальства не велѣно ждать.
«Не можешь, такъ лошадь придется продать».
—Не трогай, кормилецъ! оставь животину...
Ну, на те, родимый, возьми вотъ полтину»

«А что̀ мнѣ полтина?» ломается Власъ,
«Аль невидаль, что̀ ли?... Здѣсь, видишь, указъ...»
Тутъ вступится писарь: «Оно, все конечно
Такъ, Власъ Емельянычь; да видишь, сердечный

И радъ бы душою, да если не въ мочь!
Ужъ Богъ съ нимъ,—до святокъ, пожалуй, отстрочь.
А самъ мужику-то шепнетъ стороною:
«Небось, уломаю, прикинь той порою.»

И гривну, другую прикинетъ мужикъ,
И будто поддастся упрямый старикъ;
А писарь маячитъ: «Еще, братъ, полтинку;
«Такъ можно отстрочить и всю недоимку.»

Ну, какъ не прибавить за цѣлый-то взносъ?
И Власъ потираетъ ужъ весело носъ,
Припрячетъ подачку, тряхнетъ бородою,
И молвитъ: «Ну, быть такъ! Господь ужъ съ тобою.

«Вотъ только, что добрый ты самъ человѣкъ;
«А то бы другому не сдѣлалъ во вѣкъ.»
—Спасибо, кормилецъ! воздай тебѣ Боже!—
«Ну, то-то, въ другорядь я буду построже.

«Прощенія просимъ,—къ сосѣдямъ пора.»
И гости съ добычей идутъ со двора.

Шепнетъ только писарь:» Не бойся, братъ, святокъ;
Уладимъ.... Пришли-ка сѣнца для лошадокъ,

Да, знаешь, грибочки постомъ я люблю.....»
—Пришлю; неотмѣнно, родимый, пришлю.—
Въ избѣ у сосѣда исторія та-же:
И тотъ свой рублевикъ отправитъ туда-же.

Бѣднѣетъ крестьянинъ, въ накладѣ казна;
Но писаря съ Власомъ толстѣетъ мошна.
Вотъ такъ-то порой наши старосты Власы
Гуляютъ по селамъ да кажутъ указы,

И требуютъ строго казенныхъ уплатъ
Да словомъ «начальство» крестьянамъ грозятъ;
И платятъ полтины Петры да Егоры,
Да только въ казну-то не идутъ тѣ сборы.

Мужикъ понемногу даетъ да даетъ;
Въ казнѣ-жъ недоимка растетъ да растетъ
. . . .
. . . .

Все болѣ и болѣе изъ-году въ годъ,
И давитъ какъ петля на шеѣ народъ,

Какъ червь подъѣдаетъ доходъ государства,
Лишь Власовъ съ писцами питаетъ мытарство.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Надгробныя слова.

I.

Эконому 1 Кадетскаго корпуса, Андрею Петровичу Боброву.

Какъ ты попалъ сюда, почтеннѣйшій Бобровъ?...
Такія рѣдкости въ кунсткамерѣ хранятся!
Тамъ мѣсто для тебя, межь мумій и клыковъ,
Тамъ должно-бъ на тебя глядѣть и удивляться!
Полвѣка экономъ, наслѣдья твоего
Не стало, смѣхъ сказать! и на покупку гроба....
Прохожій! отойдемъ подальше отъ него:
Здѣсь дышетъ правотой,—а мы....мы служимъ оба.
Скандализируя собратій всѣхъ своихъ
Соблазномъ пагубнымъ и даже неприличнымъ,
Онъ и при жизни былъ укоромъ для другихъ
Своею честностью обидно-безграничной.

Межъ-тѣмъ, какъ цѣлый міръ хлопочетъ объ одномъ,
Чтобъ были свой карманъ и свой животъ набиты,—
Чудакъ диковинный! онъ думалъ лишь о томъ,
Чтобъ всѣ вокругъ него до-нельзя были сыты.
Открывъ между казной и собственнымъ добромъ
Какое-то у насъ безвѣстное различье,
Онъ вздумалъ утверждать, и спорилъ вѣдь о томъ,—
Примѣръ свой доводя ей-ей до неприличья,—
Что будто бы казна святыня для того,
Кому повѣрена,—прости ему, о Боже!—
Что будто бы она и собственность его—
Двѣ вещи разныя, а не одно и тоже.
Въ забвеньи званія существенныхъ началъ,
Изобрѣтеннымъ имъ безъ дѣлежа подрядомъ,
Безъ милосердія тебя онъ искажалъ,
Поставка на казну, служащаго отрада!
Понятно слѣдствіе подобныхъ въ людяхъ грезъ:
Неизлѣчимо ихъ вліяньемъ пораженный,
Онъ царское добро стерегъ какъ вѣрный песъ,
И драться былъ готовъ за каждый грошъ казенный.
Невыразимо былъ обиженъ сатана
Подобной ересью въ сословьи экономовъ;
И въ гробъ сошла жена, въ душѣ убѣждена,
Что съ нимъ не пріобрѣсть ей собственнаго дома.
Пытался бѣсъ смутить его и такъ и сякъ,—
Чрезъ руки онъ его переводилъ мильоны;
Но крѣпокъ былъ старикъ и не попалъ въ просакъ.

Держася совѣсти неписанныхъ законовъ...
Неписанныхъ,—когда, о путникъ, намъ съ тобой
И писанный законъ, хоть онъ и строгъ, и грозенъ,
Хоть явною грозитъ преступнику бѣдой,
Для выполненія такъ труденъ и несносенъ!
Настойчивъ чёртъ; но тутъ терпѣнье потерялъ
И, видя, какъ сильна въ немъ честности химера,
Онъ плюнулъ наконецъ и смерть къ нему послалъ,
Чтобъ хоть другихъ спасти отъ вреднаго примѣра.

II.

Моей собакѣ.

О, путникъ, скорбь мою и горе раздѣли!
Здѣсь бренный прахъ моей собаки погребли....
Ласкаясь, никого бѣдняга не кусала,—
Подъ лаской же людей, сокрыто часто жало;
И если лаяла, такъ только на чужихъ,—
А люди не щадятъ нерѣдко и своихъ.
На ней я изучилъ, почтеннѣйшій прохожій,
Что точно на собакъ мы вовсе не похожи.
(Не смѣйся, если я въ томъ не былъ убѣжденъ:
Я въ зоологіи всегда былъ несиленъ):
Во первыхъ, мы умнѣй, мы дружны до невзгоды;
А онъ, мой глупый пёсъ, въ ведро и непогоды,
Въ нуждѣ и въ счастіи былъ преданъ мнѣ равно,—
Хоть вѣрить этому, я знаю, мудрено.

Потомъ, вотъ видишь-ли, сей песъ, нелѣпый въ дружбѣ,
Онъ былъ.... Но я боюсь, что если ты на службѣ,
Почтенный путникъ мой, ты скажешь, что я лгу;
Но клятвой подтвердить я истину могу,—
Что честно сберегалъ мое онъ достоянье,
Что даже и въ съѣстномъ былъ врагъ любостяжанья;
И если что ему хранить я поручалъ,
Безсовѣстно того онъ самъ не расхищалъ.
За то-то мой сосѣдъ, смотритель магазина,
Всегда и звалъ его «глупѣйшею скотиной»,—
Особенно съ тѣхъ поръ, какъ, думая сманить,
Онъ разъ попробовалъ мясцемъ его прельстить,
Въ надеждѣ, что бѣднякъ, вѣкъ кормленный овсянкой,
Все броситъ и сбѣжитъ за вкусною приманкой.
Ошибся мой сосѣдъ: судилъ онъ по-людски;
Но псы на этотъ счетъ большіе чудаки.
Чтобъ кончить намъ о немъ, прохожій всепочтенный,
Позволь прибавить мнѣ: онъ песъ былъ здоровенный,—
По истинѣ сказать, собачій исполинъ,
И въ схваткѣ бирюка ухаживалъ одинъ;
Но этотъ удалецъ, силачъ, Раппо лягавый,
Былъ кротокъ, терпѣливъ, смиренъ, и для забавы
Онъ маленькихъ собакъ не грызъ и не душилъ—
Затѣмъ лишь, что Господь ему далъ больше силъ;
И кость, что Богъ послалъ на улицѣ дворнягѣ,
Онъ не спѣшилъ отнять затѣмъ лишь у бѣдняги,

Что безнаказанно обидѣть могъ ее,
Что было не кому вступиться за нее...

III.

Онъ былъ, какъ говорятъ, хорошій человѣкъ:
Ни худа, ни добра не сдѣлалъ въ цѣлый вѣкъ;
Всѣмъ было отъ него ни холодно, ни жарко.
Но видите-ль,—реветъ о немъ его кухарка;
А всякій ли изъ насъ достоинъ и того?
Такъ скажемъ: » Миръ тебѣ, почтенный ничего.»

Воевода.

Древняя баллада.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
А. Пушкинъ.

Давно ужь, въ тѣ годы, когда еще черти,
Шатаясь по свѣту, пугали людей;
А люди наивно боялись до смерти
Долговъ, ревизоровъ, банкротствъ и чертей;
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Когда еще цѣны стояли высоко
    На души людскія, на биржахъ въ аду;
Когда еще вѣрили дѣтски-глубоко,
    Что счастливы тѣ лишь, съ кѣмъ совѣсть въ ладу;
А съ совѣстью взятка, какъ кошка съ собакой,
    Вскормленныя вмѣстѣ, сживались легко,
И мѣстную таксу на память зналъ всякій...
    О! чудные годы, они далеко!
Прошли невозвратно! Мы стали умнѣе:
    Не только что чёрту,—не вѣримъ себѣ;
И гордо смѣемся на предковъ затѣи.
    Мы знаемъ навѣрно, — спасибо судьбѣ! —
Что можно безъ славы жить славно на свѣтѣ;
    Что слава, величіе—пуфъ, суета,
Что сила и мудрость—въ кредитномъ билетѣ,
    Что акціи только однѣ—не мечта.
Люблю я, однакожъ, тотъ вѣкъ челобитья,
    Когда крючкотворству никто не мѣшалъ.
Вотъ въ это-то время случилось событье,
    О немъ я отъ бабушки часто слыхалъ:
Разъ, пищеваренья процессъ совершая,
    Сидѣлъ воевода, окончивъ обѣдъ.
Ужъ сумерки были, и, ярко пылая,
    Каминъ разливалъ свой таинственный свѣтъ.
Покойно свершалась въ желудкѣ работа,
    Отрадно такъ было въ душѣ у него,—
И среднее что-то межъ сладкой дремотой

И томнымъ мечтаньемъ объяло его.
Добрякъ воевода тонулъ въ наслажденьѣ,
Доступномъ для избранныхъ только людей:
Душа его, въ нѣжномъ какомъ-то томленьѣ,
Размякла, какъ пряникъ въ горячей водѣ.
Въ объятіяхъ креселъ, пригрѣтый каминомъ,
Подъ вкуснымъ вліяньемъ стерляжей ухи,
Онъ могъ бы тогда, не стѣсняйся лишь чиномъ,
«Къ Лунѣ» написать очень мило стихи.
Но было въ немъ званья глубоко сознанье;
Притомъ-же не мастеръ онъ былъ сочинять;
Однакожъ, въ подобномъ души состояньи
Любилъ воевода порой помечтать.
И въ этотъ разъ также, въ экстазѣ отрадномъ,
Онъ въ мірѣ видѣній носился мечтой—
О разныхъ предметахъ полезно-пріятныхъ:
О выгодѣ акцій, о лентѣ къ святой,
О вкусномъ паштетѣ, что кушалъ недавно,
О способѣ сбыть престарѣлыхъ коней,
О прелестяхъ пышныхъ Любви Николавны,
О томъ, какъ все это отлично у ней.
И къ мысли отъ мысли порхая пріятно,
Пришёлъ воевода ко мнѣнью тому,
Что славно на свѣтѣ быть бариномъ знатнымъ,
Сановникомъ важнымъ—подобно ему.
Конечно, онъ думалъ, здѣсь глухо; но что же?
Въ столицѣ-то нашего брата,—поди!—

Пожалуй, не приметъ никто за вельможу;
Тогда-какъ я здѣся вездѣ впереди!
А править - то вовсе нетрудно, ей-Богу:
Побольше лишь страху на первыхъ порахъ,
Дѣлецъ секретарь, да снаровки немного—
И будетъ отличный порядокъ въ дѣлахъ!
Подальше отъ жалобъ, отъ сваръ непристойныхъ,
Отъ всякихъ правдиво-затѣйливыхъ мѣръ;
Подальше отъ разныхъ головъ безпокойныхъ,
Какъ принято здѣсь у меня напримѣръ.
За то и живу я, ей-Богу, привольно;
Живу, и другимъ не мѣшаю я жить;
И всѣ меня любятъ, и всѣ мной довольны,—
Не даромъ мнѣ каждый про это твердитъ!
И что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ думалъ вздыхая,
Вѣдь, право, я славный въ душѣ человѣкъ:
Ну, шутка-ль? лѣтъ восемь ужъ здѣсь управляя,
И пьяницу Гришку ни разу не сѣкъ!
Конечно, онъ поваръ отмѣнный, разбойникъ!
Дрофу-то какъ сжарилъ сегодня, ей - ей!
Не лучше бы сдѣлалъ и Вася покойникъ;
Ужъ точно, что мастеръ на это злодѣй!
Вотъ такъ и съ другими. Хоть знаю и вижу,
Что все это кражей и взяткой живетъ;
Въ Сибирь бы ихъ нужно; а смотришь поближе,
Хоть воры, а, право, предобрый народъ:
Такое къ начальству всегда въ нихъ почтенье,

Такое желанье ему угодить!
Иной и мошенникъ, да дочь заглядѣнье,—
Ну, какъ же бѣдняжку ее погубить?...
Другаго безвинно, чуть-чуть что не палкой,
Пугнешь, какъ не въ духѣ,—ну, стыдъ самому;
А онъ перетерпитъ; вотъ послѣ и жалко,
И грѣхъ-то невольно пропустишь ему.
Да, подлинно жизнь провожу я благую;
Нѣтъ злостныхъ влеченій и пагубныхъ думъ;
Подвластныхъ не граблю, казны не ворую....
Ну, развѣ кой-что тамъ изъ экстренныхъ суммъ.
Есть къ женскому полу пристрастья немного...
Кто-жъ Богу не грѣшенъ?.. Невольно влекутъ!
За то въ чемъ другомъ,—хоть сейчасъ передъ Бога
Готовъ я спокойно явиться на судъ.
Тутъ ярко въ каминѣ вдругъ вспыхнуло пламя,
И тамъ появилась фигурка въ огнѣ.
И слышитъ онъ ясно, своими ушами:
«Твой судъ совершился, и преданъ ты мнѣ!»
Струхнулъ воевода; подняться нѣтъ силы;
Лишь кресло далеко онъ двинулъ назадъ;
Животъ ему даже отъ страху схватило;
Глаза растворились, и зубы стучатъ.
И видитъ онъ: рожа ползетъ изъ камина;
Ну, гадость такая, что просто хоть плюнь;
Вотъ выползла, стала, растетъ образина;
Глаза какъ у кошки, сѣдая какъ лунь,

Съ козлиной бородкой, съ кривыми рогами,
И гребень пѣтушій на рылѣ свиномъ;
Гусиныя ноги, и горбъ за плечами,
Усы какъ у Турка, и хвостъ за спиной.
И эта-то рожа, забывъ уваженье
Къ хозяину дома, въ гостяхъ у кого,
И всю деликатность его положенья,
Съ насмѣшкою наглой глядитъ на него!
Придвинула кресло, усѣлась туда-же!
Не важная птица,—могла-бъ постоять!
Вѣдь кажется, дрянь ужъ,—ну, выгнать бы въ зашей;
А тоны умѣетъ туда-жь задавать!
Глазами моргаетъ, рогами киваетъ,
Вертитъ неприлично коровьимъ хвостомъ;
И рѣчь съ воеводой, кривясь, начинаетъ:
«Ну что же, вельможный пріятель, пойдемъ?...
«Довольно съ тобою мы здѣсь накутились;
«Въ невѣденьѣ сладкомъ трудовъ и заботъ,
«Мы въ тину бездѣлья по горло забились,
«Не помня о долгѣ, не зная хлопотъ.
«Работали, правда, мы сильно желудкомъ:
«Сердечный, за все отдувался одинъ:
«Онъ былъ для насъ сердцемъ, душой и разсудкомъ,
«И полный надъ нами во всемъ господинъ.
«Но время съ тобою намъ кончить разсчеты!
«Ты продалъ мнѣ душу, ее я купилъ:
«Не стоило, правда; да такъ—изъ охоты;

«Но все по условью сполна заплатилъ;
«Служилъ безъ обмана сердечному другу.
«Теперь собирайся, довольно кутить!»
И вотъ къ воеводѣ мохнатую руку
Онъ суетъ, какъ будто-бы хочетъ схватить.
Рванулся вельможный, взывая: «Помилуй!
«Когда-же я душу свою продавалъ?...
«Гдѣ актъ, облеченный въ законную силу?...
Тебя я не знаю, сродясь не видалъ!
«Ты, вѣрно, ошибся, пришелъ не за мною,
«Искалъ ты, конечно, правителя дѣлъ;
«А я никогда, ничего самъ собою
«Не дѣлалъ,—и дѣлать ей-ей не умѣлъ.»
—«Туда-жъ о законѣ, чудакъ ты вельможный!
«Ну, гдѣ намъ съ тобою о немъ толковать?...
«Довольно людей ты морочилъ безбожно;
«Но въ сторону шутки, пора перестать.»—
И пошлую форму мгновенно мѣняя,
Духъ ада, блистая красою предсталъ
Въ величіи мрачномъ изгнанниковъ рая,—
И въ даль указуя, онъ строго сказалъ:
«Ты хочешь знать, кто я?.. Я духъ себялюбья,
«Я демонъ навѣтовъ, коварства отецъ,
«Начало неправды, змѣя сластолюбья,
«Я твой повелитель, узнай наконецъ!....
«Когда съ равнодушьемъ глупца иль злодѣя,

«Когда безсознательно правыхъ губя,
«Ты ложь и неправду скрѣплялъ не краснѣя,
«Тогда ты мнѣ запись давалъ на себя.
«Когда несвареньемъ иль желчью страдая,
«Не въ духѣ, судьбою людей ты игралъ,
«Своимъ произволомъ законъ замѣняя,
«Тогда ты мнѣ душу свою продавалъ.
«Смотри: вотъ картина твоихъ преступленій,
«Рядъ длинный и темный неправедныхъ дѣлъ,
«Обжорства и лѣни, и злу послабленій;
«Гляди и казнися,—ты видѣть хотѣлъ.
«Смотри: вотъ забвенье о чести, законѣ,
«Подъ гнётомъ достоинство, лесть почтена,
«Вотъ страждетъ невинный, вотъ правда въ загонѣ,
«Вотъ общая польза жиду продана;
«Смотри: вотъ строитель казну обираетъ,
«Вотъ грабитъ опека наслѣдье сиротъ,
«Любовница краемъ какъ хочетъ играетъ,
«Вотъ твой подчиненный законъ продаетъ;
«А здѣсь клевета непощадно и грозно
«Грызетъ и терзаетъ какъ бѣшенный волкъ—
«Безумцевъ, что̀, святость присяги серьёзно
«Понявши, пытались исполнить свой долгъ.
«И все это зло чрезъ тебя проходило,
«И всюду ты руку свою приложилъ:
«Неправда поклономъ тебя подкупила,

«Грабёжъ тебѣ долю пирами платилъ.
«Тебѣ Царь повѣрилъ людей милліоны,
«Ихъ жизнь, достоянье, покой ихъ и честь,—
«Ты предалъ ихъ въ жертву твоимъ приближеннымъ;
«А самъ только думалъ попить да поѣсть.
«Преступники клятвы—мое достоянье;
«Измѣной присягѣ ты сдѣлался мой;
«Судъ Божій свершился,—пора воздаянья
«Настала. Пойдемъ, я пришелъ за тобой!—»
Тутъ съ громомъ и трескомъ разсѣлося зданье;
Отвсюду сшибаясь обломки летятъ,
Мяуканье кошекъ, собакъ завыванье,
И цѣлая стая кругомъ чертенятъ—
Кривыя, косыя, немытыя рожи,
Коллекція самыхъ отчаянныхъ харь!
Глядитъ воевода, глядитъ онъ и что же?...
Одна—какъ двѣ капли его секретарь!...
Чѣмъ больше онъ смотритъ, тѣмъ больше знакомыхъ!
Вотъ рядомъ извѣстный ему становой;
И вся эта стая, съ ужаснымъ содомомъ,
Его подхватила и мчитъ надъ землей.
Летитъ воевода, и въ этомъ стремленьи
Становится ясно и видно ему—
Все зло, всѣ продѣлки, обманы, хищенья,
Всѣ козни людей приближенныхъ къ нему.
И много, и много увидѣлъ вельможный,—

И въ грустномъ сознаньи главою поникъ;
Но вдругъ....вдругъ онъ вскрикнулъ: «О нѣтъ, невозможно!....»
И сталъ средь чертей удивленныхъ въ тупикъ:
Корнета....О, злая корнетовъ порода!...
Любовь Николавна цѣлуетъ въ саду....
Ужъ этого вынесть не смогъ воевода,—
И съ крикомъ проснулся въ холодномъ поту.

Молва (*).

Ай-да матушка Москва,
  Исполать родная!
На Руси твоя Молва—
  Гостья дорогая,
Гостья жданная давно,
  Крикса-говорунья,
О добрѣ и злѣ равно
  Вѣчная болтунья.
Въ ней привѣтствуетъ народъ,
  Чуя пробужденье,
Свѣтъ во mракѣ, злу оплотъ,
  Къ правдѣ возражденье.

(*) По прочтеніи ея программы.

Въ добрый часъ, Молва! пора,—
  Да, пора за дѣло!
Подвигъ правды и добра
  Начинай же смѣло!
А работы набралось;
  Дѣла будетъ съ гору:
Много, много завелось
  Въ нашей хатѣ сору!
И могло-ль не быть проказъ:
  Коль подумать толкомъ,
Все вѣдь дѣлалось у насъ
  Въ глушь да тихомолкомъ;
И негласности покровъ
  Укрывалъ лукаво
И глубокій сонъ умовъ,
  И растленье нравовъ;
Лицемѣръ торжествовалъ
  Подъ защитой маски;
Негодяй спокойно спалъ,
  Не боясь огласки.
Если-жъ часомъ изъ-за-тьмы
  Проскользали штуки,—
Какъ Пилатъ, постыдно мы
  Умывали руки.
Лишь самихъ себя любя,
  На добро несмѣлы,

Всякій думалъ про себя:
«Мнѣ какое дѣло?»
Въ страхѣ правду услыхать,
Истину увѣдать,
Сталъ девизъ намъ: знать не знать,
Вѣдая не вѣдать.
Такъ во мракѣ и глуши,
На Руси нестрогой,
Грязи думъ и дѣлъ въ тиши
Накопилось много.
Въ добрый часъ Молва, пора,
Начинай же смѣло
Подвигъ чести и добра,
Обличенья дѣло!
Стань для русскаго ума
Маякомъ надолго;
Но проникнись лишь сама
Святостію долга.
Помни: истины глаголъ—
Простъ всегда и ясенъ.
Вѣкъ надутыхъ фразъ прошелъ;
Намъ не надо басенъ;
Намъ ненадобно рѣчей
Выспренно-кудрявыхъ.
Дай полезныхъ намъ идей,
Дай понятій здравыхъ;

Будь для насъ не верхолётъ,
  Не крикунъ нахальный—
Полемическій атлётъ,
  Не боецъ журнальный,
Не схоластики драбантъ,
  Староверъ упорный,
Школьной мудрости педантъ
  Безъ-толку задорный;
Будь для насъ—не попугай
  Иноземныхъ вздоровъ;
Не вноси въ родимый край
  Сѣмена раздоровъ:
Дѣло истины, оно
  Безконечно право:
Въ немъ преступно, въ немъ грѣшно
  Мудрствовать лукаво.
Младшихъ братій не смущай
  Помысловъ безчинствомъ;
Общей связью крѣпокъ край.
  Сила—есть единство.
Помни: въ томъ лишь на земли
  Сила, толкъ и годность,
Въ чемъ основою легли
  Вѣра и народность.
Словомъ братства и любви,
  Словомъ примиренья,—

Не враждою Русь зови
 Къ дѣлу обновленья.
Пусть въ словахъ твоихъ для насъ
 Раздается внятно—
Гласъ народа, Божій гласъ,
 Громкій и понятный,
Непощадный правотой,
 Смѣлый, благородный
Голосъ истины святой,
 Голосъ нуждъ народныхъ!
Проникая въ глубь сердецъ
 Этимъ мощнымъ зовомъ,
Вразуми насъ наконецъ
 Задушевнымъ словомъ,
Какъ честнымъ трудомъ найти
 И честной достатокъ,
Что къ богатству есть пути—
 Кромѣ кражъ и взятокъ,
Что отечеству служить
 Можно безъ поклоновъ;
Уваженье намъ внуши
 Къ святости законовъ;
Убѣди, что сила царствъ,
 Краевъ преуспѣнье,
Честь и благо государствъ—
 Въ этомъ уваженьи;

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Провозвѣстница началъ
И стремленій правыхъ,
Бей неправду на-повалъ,
Обличай лукавыхъ!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Всюду правдою греми;
Вѣстью обновленья
Падшихъ духомъ подыми,
Разгони сомнѣнья;
Благородному труду
Мощной будь опорой;
На порокъ накинь узду
Срама и позора!
Вѣчной истины левитъ,
Бейся, ратуй смѣло:
Русь тебя благословитъ
За святое дѣло!

Домикъ Петра Великаго.

(Подражаніе.)

Вотъ здѣсь то, скажетъ, Царь-надежа
Не на боку лишь лежа,
Трудился самъ и строилъ ботъ.
Вотъ здѣсь онъ имъ изволилъ править,
Умѣлъ-ста родину прославить,
Стоять гораздъ былъ за народъ.

Долгорукій.

Въ Пальмирѣ Сѣвера, въ Петрополѣ богатомъ
Есть чудный домъ одинъ. Не пышенъ съ виду онъ;
Не манитъ красотой, не блещетъ домъ тотъ златомъ;
Въ немъ нѣту ни картинъ, ни мраморныхъ колонъ;
Не въ центрѣ города вознесся онъ высоко,
Не обошелъ его домовъ громадныхъ строй;—
Стоитъ тотъ домъ въ глуши, стоитъ онъ одиноко
Надъ не окованной въ гранитъ еще Невой.
Три бѣдныхъ комнатки, обмазанныя глиной;
Ни пышной мебели, ни бронзы, ни зеркалъ!
Ихъ краситъ только ликъ Спасителя старинный
Да память про того, кто прежде въ нихъ живалъ.

Сосѣдніе домы почтительной толпою,
Не смѣя сблизиться, тѣснятся къ-сторонѣ;
Лишь шпицъ Петрополя предъ хижиной святою,
Какъ вѣрный часовой, блистаетъ въ вышинѣ,
Да древній Божій храмъ стоитъ не подалеку,—
Какъ будто сверстники о прошломъ рѣчь ведутъ,—
Да волны Невскія свободно и широко,
Ласкаясь, рѣзвыя, у ногъ его бѣгутъ.
Какъ низки передъ нимъ вы, зданья величавы,
Слѣды иль роскоши иль суеты людской!—
Тотъ домъ есть колыбель народной нашей славы,
Ея величія онъ камень основной.
Среди земли враговъ онъ всталъ какъ знамя чести,
Какъ будто говоря врагу: «Здѣсь все мое!»
И врагъ, постигнутый за Нарву страшной местью,
Уже не смѣлъ сказать: «Нѣтъ, дерзкій, не твое!»
Здѣсь нашей родины источникъ просвѣщенья,
Ея величія и славы, и добра;
Здѣсь былъ отечества алтарь преображенья;—
Здѣсь было жилище безсмертнаго Петра.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . , ...

Здѣсь былъ тотъ дивный горнъ, въ которомъ Онъ, великій,
На пламени добра народъ свой расплавлялъ,
И примѣсь варварства и предразсудковъ дикихъ
Отъ благороднаго металла отдѣлялъ.
То былъ тяжолый трудъ и долгій, и суровый!
Неплавокъ былъ металлъ и ржавчиной покрытъ,
Онъ требовалъ, тотъ трудъ, всѣхъ силъ души Петровой,
Терпѣнья и любви, и воли какъ гранитъ.
Палимый до того ему безвѣстнымъ жаромъ,
Металлъ какъ будто адъ въ горнилѣ клокоталъ.
Не разъ расплавленный, онъ вспыхивалъ пожаромъ;
Не разъ ваятелю онъ смертью угрожалъ!
И люди, и судьба, и самая природа
Противъ великаго воспрянули войной;
Съ улыбкой злобною сосѣдніе народы
Смотрѣли на Него, качая головой;
Но Онъ не унывалъ, работникъ нашъ державный;
Лишь пѣну чорную съ металла очищалъ;
И если не со всѣмъ окончилъ трудъ свой славный;
То дожилъ до того, что видѣлъ, какъ металлъ
Блисталъ, очищенный отъ примѣсей несродныхъ,
Какъ міръ онъ удивилъ, когда въ Его рукахъ
Ударомъ на поляхъ Полтавы благородныхъ

Желѣзо шведское разбилъ, разсыпалъ въ прахъ!
О, величайшее, святое проявленье
Къ народу своему возвышенной любви!
О, Петръ нашъ, дивный Петръ, нельзя безъ умиленья
Намъ Русскимъ, вспоминать про подвиги твои!
Зачѣмъ такъ мало Ты своею Русью правилъ?
Зачѣмъ, не кончивъ все, покинулъ край родной?
Но чтимъ мы глубоко все, что Ты намъ оставилъ,
Къ чему касался Ты могучею рукой.
Любовь народная твой домикъ незатѣйный
Подъ крѣпкій вѣры щитъ укрыла навсегда;
И каждый Божій день толпой благоговѣйной
Молиться русскій людъ сбирается туда—
Въ твой домикъ: гдѣ ждала достойнаго награда,
Откуда звалъ Ты Русь на просвѣщенья пиръ,
Гдѣ самъ Ты начерталъ планъ первый Петрограда
И гдѣ Ты подписалъ Нейштадта славный миръ.
Въ порывахъ чувствъ своихъ правдивый и свободный,
Народъ признательность здѣсь съ вѣрой сочеталъ,—
И сталъ твой бѣдный домъ святынею народной:
Народу домъ царя—молитвы домомъ сталъ!
Не лести оиміамъ нечистый и тлетворный,

. . . .

Но честный дымъ кадилъ, съ мольбою животворной,
Возноситъ нынѣ тамъ служитель олтаря
Какъ будто бы Господь хотѣлъ, чтобъ домикъ этотъ,

Гдѣ жилъ нашъ дивный Петръ, гдѣ Русь работалъ Онъ,
Гдѣ мѣста не было ни лести, ни навѣтамъ,
Остался чистъ и святъ, и не былъ оскверненъ
Рѣчами суеты и толками пустыми,
Чтобъ праздность не нашла въ немъ пищи никогда.
Нерѣдко, увлеченъ раздумьемъ, за другими
Молиться и мечтать и я иду туда.
И долго иногда тамъ въ думѣ потаенной
Слѣжу я переливъ молящихся волны;
И стала мнѣ она мѣриломъ неизмѣннымъ
Спокойствія и бурь родимой стороны.
Народы чуждые, въ минуты роковыя,
Шумятъ, волнуются, и злоба въ нихъ кипитъ;
Нашъ русскій человѣкъ, въ безвременьи Россіи,
Въ молитвѣ ищетъ силъ .... Молитва Руси щитъ!
Затѣмъ-то, коль на Русь наляжетъ вдругъ невзгода,
Война или болѣзнь иль засуха полей,
Толпы съ молитвою идущаго народа
У домика Петра становятся тѣснѣй.
Въ такія времена я знаю, что настала
Пора тяжелая народу и Царю;
Тогда, склоняясь ницъ предъ благости Началомъ,
Обычную мою молитву я творю:
«Создатель, просвѣти насъ истины познаньемъ,
«Внуши единство намъ, дай силы пережить
«Безъ срама и пятна годину испытанья,

«И имя русское ничѣмъ не постыдитъ.
«Пускай одной любви къ отечеству послушны,
«Проникнуты однимъ стремленіемъ къ добру,
«И Царь, и весь народъ, въ трудѣ единодушномъ,
«Пройдутъ рука съ рукой тяжелую пору.
«Пошли намъ, Господи, петровскихъ Долгорукихъ,
«Олонецкихъ пошли, Создатель, воеводъ,
«Воздвигни средь гражданъ побольше Сухорукихъ,—
«И будетъ славенъ Царь, и счастливъ весь народъ!»
И вотъ теперь, когда съ восходомъ эры новой,
Когда пришла для насъ великая пора,—
Отрекшись темнаго наслѣдья Годунова,—
Окончить славныя начатія Петра,
Я вижу въ домъ Его усилилось стремленье,
И жарко въ немъ кипитъ моленіе къ Творцу;
И вѣрю я, Господь услышитъ тѣ моленья,
И дѣло славное онъ приведетъ къ концу,—
Къ концу достойному усилій благородныхъ
И долгой, вѣковой мольбы предъ Божествомъ,
И станетъ наша Русь землей людей свободныхъ—
Побѣдой мирною, гражданскимъ торжествомъ!
Побѣдою такой, гдѣ нѣту побѣжденныхъ,
Гдѣ радость торжества на всѣхъ раздѣлена
И вольная отъ путъ случайно порожденныхъ,
Воскреснетъ, оживетъ родная сторона!
И всѣ сословія опорой ставъ другъ друга,

Родныя по сердцу, по вѣрѣ, по крови,
Отъ сабли до пера, отъ вывѣски до плуга,
Полны взаимнаго довѣрья и любви,
Пойдутъ, могучія, въ сознаньи силы новой,—
Во слѣдъ за молодымъ, благимъ своимъ Царемъ,—
На все великое и честное готовы,
Свободнаго труда и доблести путемъ!

Космополиту.

J'aime qu'un Russe soit Russe,
Et qu'un Anglais soit Anlgais;
Si l'on est Prussien en Prusse —
En France soyons Francais
. . . .
Mes amis, mes amis,
Soyons de notre pays,
Oui, soyons de notre pays.
Beranger.

«Цѣлый міръ—мое отечество;
«Демократъ, космополитъ,
«Гражданинъ я человѣчества,
«Мощно духомъ я развитъ».
И на этомъ основаніи,
Все почтенное для всѣхъ,

Предавая поруганію,
Подымаешь ты на смѣхъ,
Рѣчью злостной и язвительной
Щеголяя предъ толпой,
Принимаешь тонъ рѣшительный,
Всѣхъ становишься судьей.
Кто-жъ не дѣлитъ съ вашей братіей
Эту злость и скептицизмъ,
Въ томъ и узкія понятія,
И квасной патріотизмъ;
Тотъ, по вашему рѣшенію,
Человѣкъ ужъ отсталой,
Врагъ прогресса и движенія,
Устарѣлый и тупой!....
Вашей рѣзкости въ сужденіяхъ
Цѣль видна издалека:
Сбить въ комъ слабы убѣжденія,
Озадачить простяка.
Это средство, хоть не новое,
Служитъ съ пользой для иныхъ,
Чтобъ прослыть цѣной дешевою
За людей передовыхъ;
Чтобъ сказала чернь недальная:
Вотъ ужъ точно *либералъ*!
Вотъ башка-то геніяльная—
Все ругаетъ на повалъ!

Такъ за высшее развитіе
Часто принято толпой —
Просто жёлчное разлитіе,
Нáплывъ зависти глухой!
Да, гражданъ всемірныхъ братія!
Это общій вашъ недугъ.
Ваши вопли и проклятія
Обличаютъ это вслухъ.
Васъ терзаетъ незначительность,
Душитъ словно въ горлѣ кость,—
И отсюда раздражительность,
И отсюда желчь и злость!
Есть въ васъ умъ и, часомъ, знанія,
Только сердца не дано,
И корыстное желаніе
Вами властвуетъ одно;
Ваши рѣчи, убѣжденія
Измѣняются легко—
Вмѣстѣ съ вашимъ положеніемъ,
Вмѣстѣ съ вашимъ кошелькомъ!
Мѣра вамъ—судьбы превратности....
Такъ и ты, мой демократъ,
Ненавидишь также знатности —
Какъ лисица виноградъ!
Превосходство въ людяхъ всякое
Жметъ тебя, и вотъ, въ сердцахъ,

Сталъ ты желчнымъ забіякою,
Сталъ бретёромъ на словахъ.
Въ дѣлѣ-жъ тонкаго искательства—
Не слабѣе ты другихъ,
И потребуй обстоятельства,—
Изогнешься ниже ихъ!
Даромъ съ мѣста ты не двинешься;
А гдѣ выгода зовётъ,
Какъ Протей вдругъ перекинешься,—
Станешь ярый патріотъ!
Пользы нѣтъ,—и вотъ на завтріе
Ты опять космополитъ,
Ubi bene, ibi patria (*)—
Исповѣдуя какъ жидъ!
Подъ гражданствомъ человѣчества
Скрылъ ты чёрствый эгоизмъ....
У тебя любовь къ отечеству—
Лишь квасной патріотизмъ.
Все-жъ въ немъ болѣе почтеннаго,
Все-жъ онъ лучше, хоть квасной,
Равнодушія презрѣннаго
Къ сторонѣ своей родной!...

(*) Гдѣ хорошо, тамъ и отечество.

На развалинахъ Севастополя.

Отрывокъ изъ 2-й пѣсни.

Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды;
«Отъ нихъ учитесь умирать!»
Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
В. Жуковскій.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Стою средь развалинъ... Вдали предо мной
Слѣды иноземнаго стана;

Ихъ рвы, батареи, ихъ валъ земляной
И строй невысокихъ кургановъ.
Нѣтъ счету курганамъ и насыпямъ тѣмъ;
Далёко вся мѣстность изрыта....
Откуда взялись тѣ курганы? за чѣмъ?...
Противнымъ они не защита.
Кто поднялъ здѣсь землю холмами кругомъ,
Какія подземныя силы?...
Насыпаны, взрыты тѣ холмы врагомъ,
Тѣ холмы—то вражьи могилы.
Безъ мѣры и счету здѣсь врагъ схоронилъ
И силы, и крови, и злата;—
И длинны ряды этихъ чуждыхъ могилъ,
Въ нихъ много легло супостатовъ.
Да, здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, средь этихъ холмовъ,
Великое дѣло свершилось:
Здѣсь русская доблесть, за славу отцовъ,
Съ Европою цѣлой схватилась;
И схватки подобной не видывалъ свѣтъ;
Казалося, смерть съ разрушеньемъ
Здѣсь дали другъ другу кровавый обѣтъ
Весь міръ удивить истребленьемъ.
И міръ устрашенный съ томленьемъ слѣдилъ
За ходомъ борьбы небывалой,
Гдѣ грозная масса невиданныхъ силъ
О русскую грудь разбивалась.

И долго, и страшно тянулась борьба...
Грядущаго тёмной завѣсой,
Какъ будто колеблясь, закрыла судьба,
Кого подаритъ перевѣсомъ.
И чуденъ былъ этотъ неслыханный споръ:
Мѣнялась въ немъ роль воевавшихъ;
Не разъ осажденный, отбросивъ напоръ,
Въ осадѣ держалъ осаждавшихъ;
Разимый жестоко, жестоко отмщалъ
Онъ гибель поверженныхъ братій....
И западъ надмѣнный не разъ трепеталъ
За участь имъ посланныхъ ратей.
И все, что̀ отчаянье, зависть и страхъ
Могли изобрѣсть къ истребленью,
Все это придумалъ и выполнилъ врагъ
Надъ грознымъ ему укрѣпленьемъ.
Всей силой, всей мощью грозы боевой
Европа надъ нимъ разразилась;
По воздуху, моремъ, съ земли, подъ землей,—
Отвсюду погибель стремилась;
Несчётныхъ орудій, и ночью и днемъ,
Огонь свирѣпѣлъ неисходный;
Но твердъ и спокоенъ подъ смертнымъ дождемъ
Стоялъ нашъ солдатъ благородный.
Когда же разбитый обрушился валъ,
Онъ, грудью его замѣняя,

Еще отбивался, еще поражалъ,
Отвагой враговъ изумляя.
Среди разрушеній, пожаровъ, могилъ,
Тѣснимый все болѣ и болѣ,
Онъ такъ-же былъ грозенъ. Когда-жъ уступилъ,
Смиряясь предъ Божьею волей,
Не городъ, не крѣпость достались врагамъ,
А груды развалинъ и праха;
Не радость побѣды ихъ встрѣтила тамъ,
А думы сомнѣнья и страха.
Предъ ними растерзанъ въ обломкахъ лежалъ
Могучаго остовъ избитый;
Но падшій, казалось, еще угрожалъ
Какою то гибелью скрытой.
Изъ каждаго камня глядѣла бѣда,
Угрозой имъ въ очи сверкая...
О, вѣрно,—на память пришла имъ тогда—
Невольно—Москва роковая!
И съ ужасомъ вспомнилъ ликующій врагъ,
Спѣша удалиться въ смущеньи;
Что часто въ Россіи и въ самыхъ стѣнахъ
Таится для недруговъ мщенье.
Такъ палъ Севастополь. Паденія гулъ
Отгрянулъ какъ громъ въ отдаленьи,
И западъ враждебный впервые вздохнулъ
По долгомъ и тяжкомъ томленьи,...

. . . .

. . . .

И хвалятся гордо успѣхомъ своимъ
  Ея супостаты лихіе;
И шумно, и весело празднуетъ врагъ
  Могучей грозу и паденье....
Но горько родные народы въ цѣпяхъ
  Оплачутъ надежду спасенья;

. . . .

А вы, ратоборцы за русскую честь,
  Герои великой защиты,
Вѣковъ достоянье—чудесная вѣсть
  О вашей борьбѣ знаменитой!
Хвала вамъ. отчизнѣ о васъ не забыть:
  Вы честно родной послужили;
И что человѣку возможно свершить,
  Могучіе, все вы свершили!

. . . .

Смиримся-же, други, предъ волей Творца,

. . . .

Прощенье другъ другу, и клятву въ сердцахъ
  Отвергнуть и лѣнь, и тщеславье.
Возстань же, Россія! родная, возстань
  На трудъ трисвятой обновленья
На честную битву, на славную брань:
  Настала пора пробужденья!

Къ великому дѣлу твой Царь впереди,
И зовъ раздается отъ трона:
«Разслабленный! съ вѣрой возстань и гряди,
«Во имя труда и закона!»
Богатый любовью, желаньемъ добра,
Тебя Онъ взываетъ, Державный,
Къ той жизни могучей, какъ въ годы Петра,
Къ той жизни трудовой и славной.
Останемся-ль глухи на этотъ призывъ?
О, братья, ему-ль не отвѣтимъ?—
И царскаго сердца высокій порывъ
Сердечно, всей Русью не встрѣтимъ?....
Кто-бъ ни былъ ты — воинъ, купецъ, селянинъ,
Художникъ, судья, воевода,—
Въ комъ русское сердце, кто родинѣ сынъ,
Кому дорога честь народа!
Возстанемте дружно, забывъ о себѣ,
На общую требу спасенья;
Всѣмъ дѣло найдется въ суровой борьбѣ,
Въ работѣ святой очищенья.
Покажемъ народамъ чудесный примѣръ —
Развитія въ нѣдрахъ закона,—
Безъ ложныхъ стремленій, безъ вздорныхъ химеръ,
Подъ сѣнью могучаго трона.
Пусть видитъ Европа, Британецъ, Французъ,
Что тамъ плодотворна невзгода,

Гдѣ тройственный крѣпокъ и силенъ союзъ
Межъ Богомъ, Царемъ и народомъ...

---

*...

Не трави по-пустому собаку,
И напрасно гусей не дразни:
Загрызутъ вѣдь тебя, забіяку...
Мало-ль съ ними ужъ было возни?

Вѣдь неправда—пора догадаться!—
Чтó закормленный песъ у людей:
Гладь по шерсти,—онъ будетъ ласкаться;
Надоѣстъ тебѣ лаской своей;

Но при первомъ твоемъ покушеньи
Противъ шерсти подернутъ путемъ,—
Предъ святою водой обличенья,
Обнаружится бѣшенство въ немъ.

И что̀ гуси—пороки людскіе,
Горячо другъ за друга стоятъ:
Ты затронешь одинъ,—всѣ другіе
На тебя закричатъ, налетятъ.

Впередъ!

Когда на Русь, враждой пылая,
Къ ней завистью воспламененъ,
Сзывалъ Европу въ край изъ края
Крамолъ создатель,—Альбіонъ;
И шли на этотъ зовъ народы,
Кто ради страха, кто вражды,
Кто помня старые расчеты;
А кто за деньги, ради мзды:
Тогда, гордясь, старинной славой,
Наслѣдьемъ дѣдовъ и отцевъ,
Мы потѣшались какъ забавой
На сборы ихъ со всѣхъ концевъ;

И похваляясь горделиво,
И издѣваясь надъ грозой,
Высокомѣрно и кичливо
Мы вызывали ихъ на бой,—
Не чувствуя, гордыни полны,
Что этотъ новый бѣдъ налетъ,
Что этой новой бури волны
Рука Создателя ведетъ;
Забывъ, что въ долгомъ преуспѣньи,
Рабы и порчи, и страстей,
Мы отшатнулись назначенья
Великой родины своей,—
Что измѣнили цѣли славной,
Ей предназначенной Творцемъ;
И Онъ отвергнулъ суеславныхъ,
И отвратилъ отъ нихъ лице!
Но, обрекая насъ невзгодѣ,
Онъ, въ милосердіи святомъ,
Скорбѣлъ, Создатель, о народѣ,
Народѣ избранномъ своемъ:
И, въ самомъ гнѣвѣ несуровый,
Не до конца покинулъ насъ,—
И въ громахъ бури этой новой
Гремѣлъ Его призывный гласъ:
«Народъ Мой, твердый въ искушеньяхъ,
«Могучій вѣрою въ бѣдахъ,

«Зачѣмъ ослабъ ты въ преуспѣньи
«И укоснѣлъ въ благихъ трудахъ?...
«Я полюбилъ тебя съ-из-мала,
«Зане бѣ вѣренъ и нелживъ,
«И правды грудь твоя алкала,
«И былъ ты добръ и незлобивъ.
«Тебя повелъ Я съ колыбели,
«Моимъ избранникомъ нарекъ;
«Любимаго къ великой цѣли
«Я предназначилъ и обрекъ—
«Свершить народовъ обновленье,
«Когда Германецъ на землѣ
«Свои окончитъ разъясненья
«И суемудрія во мглѣ;
«Замретъ, заглохнетъ западъ хилый,
«Въ туманъ сомнѣнья погруженъ,
«Внесть въ дряхлый міръ живыя силы
«И стать въ главѣ земныхъ племенъ;
«Навѣты мудрости лукавой
«Оружьемъ правды побѣдить;
«Воздвигнуть въ мірѣ святость права,
«Насилье силы укротить;
«И человѣчества движенье
«Направить истины путемъ,
«И разрѣшить въ немъ всѣ сомнѣнья
«Славянскимъ сердцемъ и умомъ.

«И къ этой цѣли долго, долго,
«Тебя Я велъ изъ вѣка въ вѣкъ;
«Чтобъ онъ окрѣпъ, въ сознаньи долга,
«Въ тебѣ, мой Русскій человѣкъ.
«Я, какъ ІЗраиля, борьбою
«Тебя, избранника, пыталъ;
«Я былъ всегда вездѣ съ тобою;
«Въ бѣдахъ берегъ и укрѣплялъ;
«Во знаменье съ тобой завѣта,
«Народъ, Я далъ тебѣ Петра.
«Но ты забылъ свои обѣты,
«И измѣнилъ стезѣ добра!
«Ты позабылъ, что нуженъ міру
«Для дѣлъ великихъ и святыхъ,—
«И поклонился тьмы кумиру,
«И лжѣ воздвигъ тельцевъ златыхъ.
«И вотъ, разгнѣванный тобою,
«Но и преступнаго любя,
«Казню тебя самимъ собою,
«Твоей же порчею—тебя!
«Твои грѣхи, какъ цѣпи бремя,
«Тебя опутаютъ въ бою;
«И попущу затмить на время
«Имъ славу древнюю твою.
«Но этотъ крестъ во исцѣленье
«Я налагаю на тебя,

«Чтобъ ты воспрянулъ отъ паденья,
«Чтобы очистилъ имъ себя.
«Надѣнь же снова власяницу
«И покаянья, и труда;
«А я простру мою десницу
«Тебѣ на помощь, какъ всегда.
«Мужайся, доблестное племя,
«Не унывай и ободрись;
«И вырвавъ съ корнемъ порчи сѣмя,
«Надѣйся, вѣруй и трудись!
«Твой путь далекъ, и на распутьѣ
«Не становися, мой народъ!
«Впередъ, впередъ могучей грудью,
«Народъ-избранникъ мой, впередъ!

Всадникъ.

Чей ликъ величавый возникъ предо мною?...
Кому это Руси признательной дань?
Вѣнецъ на главѣ, и гора подъ пятою,
И гордо простерта могучаго длань.

Конь борзый несется, великаго чуя;
Ему не преграды—ни лѣсъ, ни гора;
На аспида злаго онъ всталъ торжествуя.
О, всадникъ, въ тебѣ узнаю я Петра!...

Вглядитесь, какъ образъ царя-исполина
Проникнутъ и силъ, и отваги красой;
Смотрите, какъ, гордо взлетѣвъ на стремнину,
Онъ, кажется, міръ вызываетъ на бой!.

И сколько величья въ осанкѣ героя!
Какъ видъ этотъ чудный къ могучему шелъ
Въ тотъ мигъ роковаго полтавскаго боя,
Когда онъ всей ратью на Шведовъ пошелъ.

Мнѣ кажется, ликъ сей вѣкамъ изумленнымъ
Гласитъ, преисполненъ сознаньемъ святымъ:
Смотрите: путемъ я никѣмъ не пройденнымъ
Вломился въ Европу съ народомъ моимъ;

И здѣсь, на обломкахъ низверженныхъ Шведовъ,
Подъ громомъ Полтавы, знамена развилъ,—
И міръ, оглушенный тѣмъ гуломъ побѣды,
На Русь удивленный свой взоръ обратилъ.

Здѣсь было болото, и въ дебряхъ лѣниво
Жилъ Финъ полудикій, да звѣрь обиталъ.
Смотрите: столица...не городъ, а диво—
Какъ чудомъ средь тундры и лѣсу возсталъ.

Стрѣльцы, предразсудки и Карлъ, и природа
Напрасно старались мнѣ путь преградить.
Мой вождь неизмѣнный былъ: благо народа,
И съ нимъ не смогло насъ ничто сокрушить.

. . . .
. . . .

. . . .

. . . .

Скажите-жъ мнѣ, древніе сверстники міра,
Кто смертный природу какъ я побѣдилъ,
И тяжесть правленья, величье порфиры
Для блага народа достойнѣй носилъ?

Признаніе.

И всякій человѣкъ есть ложь.
Державинъ.

Не вѣрю вамъ, друзья мои,
(Хоть мы, конечно, въ этомъ квиты!)
Не вѣрю клятвамъ и любви
Моей хорошенькой Пахиты;
Не вѣрю добротѣ глупцовъ,
Итальи дряхлой возрожденью;
Не вѣрю я божбѣ купцовъ,
Не вѣрю въ роскошъ наслажденья—
Носовъ и фанарей битья
Въ пылу трактирнаго безчинства;
Не вѣрю, нѣтъ, не вѣрю я
Въ тебя, германское единство!

Не вѣрю въ правый судъ людей,
Ни въ твой кредитъ, разгульный купчикъ;
Не вѣрю юности твоей,
О, артиллеріи поручикъ!
Не вѣрю въ женскую любовь,
Ни въ плачь предъ свадьбою дѣвицы;
Не вѣрю въ святость юныхъ вдовъ,
Ни въ нравы оперной пѣвицы,
Ни въ постное твое лицо,
Дервишъ осанисто-чреватый,
Ни бреднямъ юныхъ мудрецовъ,
Ни увѣреньямъ дипломата,
Ни въ многочудный магнетизмъ,
Ни книжныхъ лавокъ объявленьямъ,
Ни въ простодушный платонизмъ,
Ни въ рѣчи съ чопорнымъ вступленьемъ.
Не вѣрю, чтобъ могло у насъ
Изчезнуть племя крючкодѣевъ;
Не вѣрю въ сны; не вѣрю въ зглазъ;
Не вѣрю скромности лакѣевъ,
Вельможи падшаго въ кредитъ,
Австрійской вѣрности въ союзахъ,
Иль сладости для волокитъ
Малороссійскаго арбуза;
Не вѣрю молодой жены
Полуживому мужу ласкамъ,

Ни въ древность дербентской стѣны,
Ни скромно потуплённымъ глазкамъ;
Не вѣрю алчности мышей—
По провіантскимъ магазинамъ,
Ни безупречности твоей,
Судейскій домикъ съ мезониномъ!
Не вѣрю къ смерти богача
Его наслѣдниковъ участью,
Любви къ народамъ Англичанъ;
Не вѣрю критикъ безпристрастью;
Не вѣрю, Богъ меня убей,
Я въ филантроповъ состраданье,
Въ невинность горничныхъ и швей,
И академиковъ познанья;
Не вѣрю, если кончить дни
Грозитъ отчаянно влюбленный;

. . . .

. . . .

Не вѣрю знаньямъ докторовъ;
Не вѣрю въ храбрость дуэлиста;
Не вѣрю въ трезвость поваровъ,
Ни въ честь и совѣсть афериста,
Ни въ безошибочность молвы,
Ни музыкальности тапёра,
Ни многимъ геніямъ,—увы!
Ни въ вѣрность службы дезертёра;

Не вѣрю, чтобъ комиссіонеръ
На царской службѣ проживался;
Не вѣрю, чтобы офицеръ
На каждой дневкѣ не влюблялся;
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Чтобы красавица вдова
Годъ помнила свою потерю,
Чтобъ.....да на что терять слова?
Я многому еще не вѣрю!

Прощаніе со славой.

(Вольный переводъ изъ Беранже.)

Станемъ пѣть вино, забавы;
Остальное, право, вздоръ.
Какъ упреки, какъ укоръ
Мы забыли пѣсни славы.

И храбрый народъ
Безъ славы живетъ.

Сынъ Эпикура мнѣ погребъ открой!
Бѣдная Франція, стыдъ свой глотая,
Больше не хочетъ некстати, родная,
Чтобы свирель замѣняли трубой.

От историй отречемся,
Съ бѣдной славой разойдемся,—
Приходи скорѣй любовь!
Наливай намъ до краевъ!

*
* *

Нашихъ недруговъ насильямъ
Ты сообщникъ былъ судья;
Алчность наглая твоя
Ввергла истину въ безсилье.

Но будетъ сатиръ;
Съ пороками миръ!

Кубокъ и лиру вѣнками изъ розъ
Я разукрашу, смирюсь предъ судами;
Въ ихъ беззаконныхъ продѣлкахъ надъ нами
Слышу Церберовъ; но гдѣ же Миносъ?...

Отъ исторьи и проч.

*
* *

Иноземныхъ лиходѣевъ
Слабость знаетъ нашъ народъ;
Гуливеръ пускай чихнетъ,—
И повалятся Пигмеи.

Но буря пусть спитъ,
Гроза не гремитъ;

Пусть позабудетъ о насъ цѣлый свѣтъ!
Братья, не плачьте о славѣ народной:
Плачъ вашъ кутить намъ мѣшаетъ свободно,
Что намъ за дѣло край славенъ иль нѣтъ?...

От исторьи и пр.

*
* *

Вѣдь на все бываетъ мода.
Нынче вѣкъ говоруновъ;
И не въ модѣ у сыновъ
Лавры дѣдовъ, блескъ народа.

Да, сталъ человѣкъ,
Умнѣе въ нашъ вѣкъ.

Братцы, толпою на биржу пойдемъ:
Тамъ нынче слава и честь, и значенье;
Тамъ и стыда и безсилья забвенье;
Къ чорту величье! мы акцій возмемъ!

Отъ исторьи и пр.

*
* *

Привыкайте къ униженью;
Вотъ смотрите, цѣлый рядъ
Смѣхотворовъ взялъ подрядъ
Поставлять вамъ утѣшенье;

Ну, други, смѣлѣй,
Разсмѣйтесь скорѣй!

Нынче трунить ни надъ чѣмъ не грѣшно....
Я вотъ смѣяться начну что-есть мочи;
Что жъ они плачутъ, докучныя очи?
Что же мнѣ, други, совсѣмъ не смѣшно?....

От истории и пр.

Боксеры или Англоманія.

Изъ Беранже.

Хотя ихъ шляпы безобразны,
God dam! люблю я Англичанъ.
Какъ милъ ихъ нравъ! какой прекрасный,
Какой имъ вкусъ изящный данъ
Въ забавахъ, грѣхъ не подивиться.
        О, нѣтъ! конечно, нѣтъ у насъ
Такихъ затрещинъ въ носъ и глазъ,
        Какими Англія гордится.

Вотъ ихъ боксеры къ намъ явились,—
Бѣжимъ скорѣй держать пари.
Тутъ дѣло въ томъ: они схватились
На одного одинъ, не три,

Что рѣдко Англіи случится.
О, нѣтъ! конечно, нѣтъ у насъ
Такихъ затрещинъ въ носъ и глазъ,
Какими Англія гордится.

Дивитесь граціи удара
И ловкости другъ друга бить—
Двухъ этихъ молодцевъ съ базара;
А, впрочемъ, это можетъ-быть
Два лорда вздумали схватиться....
О, нѣтъ! конечно, нѣтъ у насъ
Такихъ затрещинъ въ носъ и глазъ,
Какими Англія гордится.

Британцевъ модамъ угловатымъ,
Ихъ вкусу должно подражать;
Ихъ лошадямъ, ихъ дипломатамъ,
Искусству даже воевать
Нельзя довольно нахвалиться....
О, нѣтъ! конечно, нѣтъ у насъ,
Такихъ затрещинъ въ носъ и глазъ,
Какими Англія гордится.

К....ъ А....ъ К....вой.

Въ Альбомъ.

Люблю я женщину, когда, своей природѣ
Покорная, она довѣрчива, слаба,
Кокетка, вѣтрена подобно рѣзвой модѣ,
И сердца своего послушная раба.
Но вы не таковы: прекрасны вы для глазъ;
Но чувство не найдетъ въ васъ отзыва роднаго,
Вы холодны душой; а вмѣсто сердца въ васъ—
Курсъ ариѳметики Щеглова.

Романической старушкѣ.

Ф....и М......ѣ П.......ъ

Хоть цѣнятъ древности тѣмъ болѣе, чѣмъ старѣй;
Но я-то, видите, совсѣмъ не антикварій,
И тлѣнія ни въ чемъ, простите, не терплю:
Люблю я жизнь и цвѣтъ, я молодость люблю,
И больше по-сердцу мнѣ свѣженькая пашня,
Чѣмъ феодальная разрушенная башня.

*······

Средь общества, гдѣ все поддѣлка и искусство—
И таліи и рѣчь, и волосы, и чувства —
Плѣняешь ты меня веселостью своей
И пыломъ дѣвственнымъ сердечныхъ увлеченій,
Душевной теплотой, наивностью сужденій
И чудною косой некупленныхъ кудрей.

Собака и воръ.

Въ альбомъ.

Песъ выпущенъ былъ домъ стеречь въ ночную пору
И вора не пускалъ пролезть черезъ заборъ;
Мошенникъ кинулъ кость,—и стражъ сокрылся въ нору....
И ты, закона стражъ, на милость также скоръ.

Дуэлисту.

Скотининъ душенька, не рвись ты на дуэль,
Изъ страсти бѣшеной прославиться героемъ:
Убъешь тебя—бѣда: звать станутъ скотобоемъ;
А не убить нельзя—оселъ большая цѣль.

Помнишь, другъ мой, какъ, бывало,
Уложивши мужа спать,
Ты украдкою сбѣгала
Внизъ ко мнѣ...потолковать?
Помнишь, въ блузѣ легкой, бѣлой,
Словно призракъ неземной,
Въ темный садъ, дрожа всѣмъ тѣломъ,
Уходила ты со мной?
Помнишь, другъ мой, эти встрѣчи,
Встрѣчи нѣги и любви?
Помнишь пламенныя рѣчи
И томленія мои?...
Помнишь, какъ во мракѣ ночи,
Упоенный, я лобзалъ
Шелкъ кудрей и небо-очи,

И мятежный груди валъ;
Какъ, стыдливая, сначала,
Тихимъ ропотомъ своимъ
Ты противилась, бывало,
Ласкамъ бѣшеннымъ моимъ;
Какъ потомъ, въ моихъ объятьяхъ,—
Что за роскошь, что за пиръ!—
Забывала строгость братьевъ,
Ревность мужа, цѣлый міръ?...
Время мчалось, улетало,—
Мы не думали о немъ,—
И не рѣдко заставала
Насъ заря еще вдвоемъ!
Помнишь, днемъ, потомъ, при мужѣ,
Мы казались межь собой
Холоднѣе зимней стужи,
Даже ссорились порой;
И со смѣху помирая,
Твой довѣрчивый старикъ
Насъ мирилъ, передвигая
Съ уха на ухо парикъ?
Ты была тогда прекрасна,
Мужъ твой старъ и сѣдъ, и хилъ;
Я былъ—юный, пылкій, страстный,—
Полонъ жизни, полонъ силъ...
Время все перемѣнило,—

Нѣтъ пощады ничему!—
Гдѣ старикъ твой?—Онъ въ могилу
Слегъ давно ужъ. Миръ ему!
Да и мы неавантажны:
Ты старуха, я старикъ;
Стала барыней ты важной;
А на мнѣ уже парикъ.
Ты—кричишь о порчѣ нравовъ,
Décolté дѣвицъ и дамъ;
Танцы, игры и забавы
Называешь грѣхъ и срамъ.
Я—браню и порицаю
Непощадно молодежь,
И прискорбно восклицаю:
Свѣтъ ни-на-что непохожъ!
Оба судимъ всѣхъ сурово,
Вопіемъ о суетѣ —
И повѣрилъ свѣтъ на слово
Нашихъ нравовъ чистотѣ!
Оглушаемый моралью,
Онъ закрылъ на то глаза,
Что я стягиваю талью,
А ты красишь волоса.
Въ нашихъ вопляхъ на растлѣнье
Не разслышитъ онъ, простакъ!
Вопль безплодный сожалѣнья,

Что не можемъ жить ужъ такъ;
Что за тѣмъ мы судимъ строго,
Что ни въ комъ изъ молодыхъ
Нѣтъ охоты, хоть немного,
Порастлить и насъ самихъ;
Что должны мы въ горѣ нашемъ
Утѣшать себя порой:
Я—модисткою Наташей,
Ты—буфетчикомъ Ѳомой...

Н. Ф....у.

Я не молодъ ужъ, друзья;
Тише льется кровь моя;
Но люблю еще сердечно
Шумъ вакхическихъ бесѣдъ;
И веселости безпечной
Не убило бремя лѣтъ.
Тихомолкомъ отъ жены
Я не прочь отъ старины....
Охъ, жена,
Охъ, жена!
Ужъ далась мнѣ знать она!

Я теперь уже иной;
Кой-гдѣ волосъ есть сѣдой;

Но когда то запѣвалой
На пирахъ я также былъ,
И какъ вы, друзья, бывало,
Полной чашей радость пилъ.
Но теперь не до вина,
Когда подъ-бокомъ жена....
Охъ, жена,
Охъ, жена!
За грѣхи мнѣ, знать, дана!

Лишь съ разсвѣтомъ оставлялъ
Я пустой уже бокалъ.
На любовь мѣняя кубокъ,
Подъ огнемъ прекрасныхъ глазъ,
Я съ прелестныхъ алыхъ губокъ
Поцѣлуй срывалъ не разъ.
А теперь, увы! одну
Я цѣлую лишь жену...
Охъ, жена,
Охъ, жена!
Наказанье мнѣ она!

Послѣ чаши круговой,
Отягченной головой
Я склонялся къ дѣвѣ страстной,
И забывъ про свой бокалъ,

На груди ея атласной
Беззаботно засыпалъ.
Не вернуть того назадъ:
Други, други! я женатъ....
Охъ, жена,
Охъ, жена!
Смерть красивѣй, чѣмъ она!

Юность быстрая прошла,
И съ собою унесла
Честныхъ прадѣдовъ наслѣдство.
Чтобъ поправиться опять,
Мнѣ одно осталось средство:
За себя старуху взять,—
И по волѣ сатаны,
Я съ тѣхъ поръ въ когтяхъ жены...
Охъ, жена,
Охъ, жена!
Наказанье мнѣ она!

За грѣхи веселыхъ дней
Пылкой юности моей
Дорого плачу я, други!
И напрасно годы жду,
Чтобы духъ моей супруги
Успокоился въ аду;

Но на зло живетъ она,—
И въ меня же влюблена!
Охъ, жена,
Охъ, жена!
Ужъ далась мнѣ знать она!

Старый холостякъ.

Изъ Беранже.

Пойдемъ же, Пашенька! Смотри-ка, десять било:
Подагрику давно пора ужъ на покой.
Нѣтъ, никогда, вотъ годъ, какъ ты ко мнѣ вступила,
Еще не чувствовалъ я свѣжести такой.
Пріятно мнѣ, ложась, съ тобою быть подолѣй,
Для пользъ твоихъ, повѣрь, хорошій это знакъ;
И такъ, Пашеточка, немного доброй воли,
Кусочикъ курочки и мой ночный колпакъ....

Милашка нянюшка, на старости обидной,
Опора нѣжная и сладкая для насъ!
Для душекъ, далеко не столько аппетитныхъ,
Твой баринъ дѣлывалъ дурачества не разъ....
Я завтра угощу тайкомъ тебя въ Тиволи,
Пускай злословье то толкуетъ такъ и сякъ!
И такъ, Пашеточка, немного доброй воли,
Кусочикъ курочки и мой ночный колпакъ....

Пусть тяжкіе труды ни ручки этой нѣжной
Ни груди полненькой отнынѣ не томятъ;
Пусть дни твои текутъ со мною безмятежно,
И прелести твои украситъ пусть нарядъ.
Не ими ль далъ амуръ мнѣ силъ?...Не отъ того-ли
Пылаетъ пламенникъ, его побѣдный знакъ?...
И такъ, Пашеточка, не много доброй воли,
Кусочикъ курочки и мой ночный колпакъ....

На что-жъ желаніямъ моимъ сопротивленье!
Любовникъ, значитъ, есть, сударыня, у васъ?
Жокей племянника васъ тѣшитъ! безъ сомнѣнья?...
Но вы подумайте! духовной близокъ часъ....
Покорна, наконецъ! не отымаетъ болѣ
Ту грудь, которая меня манила такъ.
Ну, что-жъ, Пашеточка, немного доброй воли,
Кусочикъ курочки и мой ночной колпакъ....

Ты уступила мнѣ, сдалась; но надо мною
Природа, измѣнивъ, увы! свое беретъ;
Не плачь-же такъ, не плачь, ты будешь мнѣ женою
На зло годамъ моимъ,—пусть тѣшиться народъ!
Но лишь согрѣй меня, лишь сдѣлай такъ, чтобъ болѣ
Мой пылъ, какъ въ этотъ разъ, не попадалъ въ просакъ.
И такъ, Пашеточка, немного доброй воли,
Кусочикъ курочки и мой ночной колпакъ.....

Лермонтову. (*)

Зачѣмъ, зачѣмъ, поэтъ, въ пылу негодованья,
Ты оскорбилъ небесъ прекрасный даръ?
Нѣтъ, не напрасно здѣсь высокаго призванья
Въ душѣ пѣвца горитъ небесный жаръ!
Тебѣ ли колеей, протоптанною въ прахѣ,
Которою толпа къ ничтожеству бредетъ,
Влачиться въ слѣдъ за ней, подобно черепахѣ,
Когда судьбою данъ тебѣ орла полётъ?
У черни ли, скажи, и чёрствой, и холодной,
Вымаливать вниманье долженъ ты,

(*) Отвѣтъ на письмо его.

И святотатственно къ ногамъ неблагородной
Бросать свои завѣтныя мечты?.. .
Поэту ль милости, какъ нищій корку хлѣба,
Просить, склоняяся лавровою главой?—
Не это твой удѣлъ, питомецъ гордый неба!
Высоко надъ людьми поставленъ ты судьбой...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Понятно мнѣ твое душевное томленье,
Твоя глубокая, сердечная тоска;
Но если ты падешь средь общаго паденья,
Чья братій поддержать протянется рука?
Кто рѣчью теплою согрѣетъ огорченныхъ?
Кто дѣвѣ разъяснитъ загадку юныхъ грезъ?
Кто въ слово облечетъ пылъ юношей влюбленныхъ?
Кто души освѣжитъ потокомъ сладкихъ слезъ?
Кто пѣснью смѣлою поддержитъ гражданина,
Какъ бранная труба средь схватки боевой,
Когда онъ выступитъ на битву съ исполиномъ,
Котораго въ нашъ вѣкъ зовутъ неправотой?.....
Не клевещи на жизнь: тебѣ въ ней много дѣла!
Пусть личныя твои мечты не удались,—
И если надобно страданьемъ жизни цѣлой
За чудный даръ пѣвца безъ торгу расплатись.

Не первый купишь ты его такой цѣною;
Но человѣчеству ты служишь, не себѣ,—
И славные пути лежатъ передъ тобою,
И цѣли дивныя указаны тебѣ.
О, будь посланія достойный исполнитель:
Апостолъ не вражды, а міра до конца;
Защитникъ правоты, неправды обличитель.
Къ надеждѣ воззови усталыя сердца;
Предстань, какъ Банко тѣнь на пышный пиръ Макбета,
Предъ зломъ ликующимъ, на праздникѣ страстей,
И полная любви и вѣры рѣчь поэта
Глубоко потрясетъ сознаніе людей:
Разстаетъ эгоизмъ, смягчится жесткій старецъ,
Отвага заблеститъ у юноши въ очахъ,
И грозныя слова, и *манесъ*, *текель*, *паресъ*
Порокъ испуганный прочтетъ въ твоихъ стихахъ.
Коль нужно, какъ Давидъ вступи въ единоборство,
Хотя бы на тебя возсталъ весь дряхлый свѣтъ:
Личину пошлую неправды и притворства
Безтрепетной рукой сорви съ него поэтъ!
Пускай ничтожество, пылая желчнымъ мщеньемъ,
Всю жизнь твою убьётъ, отравитъ, очернитъ,—
Нѣтъ, не плати ему за злобу озлобленьемъ,—
Прости, зане оно—*не вѣдстъ*, *что творитъ*.

Ему-же.

Безъ вѣры, Лермонтовъ, безплодно и призванье:
Ни пѣсенъ отъ души, ни искренней мольбы!
Да, страшно и тебя коснулось отрицанье,—
И духомъ ты упалъ въ виду святой борьбы.
Я бѣдный труженникъ для міра безполезный;—
Когда бы мнѣ былъ данъ могучій твой глаголъ,
Когда бы я владѣлъ стихомъ твоимъ желѣзнымъ,
Съ какой бы радостью на битву я пошелъ!
Съ какимъ бы торжествомъ имъ, выродкамъ позора,
Закона торгашамъ, ватагѣ прошлецовъ,
Перчатку тяжкую правдиваго укора
Я бросилъ бы при всѣхъ въ безстыдное лице.

Двоимъ.

(Посвящено Гр. Ѳ. П. Т....у и Ѳ. Н. Г....ъ.).

17 Февраля 1858.

Какъ на почвѣ классической Рима,
Гдѣ въ развалинахъ храмъ опочилъ,
Двѣ колонны стоятъ невредимо,
Средь обломковъ и славныхъ могилъ;
И изящной своей простотою,
Привлекая невольно, они
Пробуждаютъ въ насъ думы толпою
Про другіе могучіе дни;
Когда здѣсь возносилось высоко
Много, много подобныхъ колоннъ,
И на нихъ опирался широкій
Величаваго храма плафонъ....
Въ этомъ храмѣ не темныя цѣли,—

Божествомъ въ немъ отчизна была;
Тамъ чудесныя пѣсни гремѣли,
Тамъ творились благія дѣла.
Но съ тѣхъ поръ на развалинахъ храма
Все давно измѣнилось въ конецъ;
Совершилась тамъ грязная драма—
Очерствѣнія душъ и сердецъ.
И теперь, вкругъ колоннъ величавыхъ,
На той почвѣ, гдѣ прежде былъ храмъ,—
Храмъ народной и чести и славы,—
Зданья новыя высятся тамъ;
Но тѣ зданья не храмы,—трактиры,
Иль продажи базаръ мелочной:
Въ нихъ не чести и славы кумиры,
А кумиры корысти одной.
И проходятъ толпой равнодушной
Мимо этихъ колоннъ торгаши;
Лишь художникъ—поэтъ благодушный
Сознаетъ, какъ онѣ хороши!
—Такъ межъ нами, дѣтьми отрицанья,
Поколѣнья другаго сыны,
Сохранилися вы какъ преданья
Непонятной для насъ старины.
Вы, могучіе дѣти былаго,
Современники вѣка того,
Когда рядомъ шли дѣло и слово,

Не страшась никого, ничего;
Какъ два древнихъ изящныхъ обломка
Вы укоромъ стоите средь насъ,—
Насъ, приземистыхъ вашихъ потомковъ,
До смѣшнаго ничтожныхъ подчасъ,—
Насъ, которыхъ поэтъ современный
Такъ недавно еще заклеймилъ,
Пустотой нашихъ чувствъ устрашенный,
Апатіей духовныхъ въ насъ силъ!
Да, паденіе наше глубоко,
И для міра оно не секретъ!
Нѣтъ, быть можетъ, въ насъ вашихъ пороковъ;
Но и доблестей вашихъ въ насъ нѣтъ.
Себялюбію только послушны,
Чужды вѣрѣ въ добро и себя,
Мы живемъ ко всему равнодушны,
Ничего горячо не любя.
Ни энергіи вашей высокой,
Ни любви вашей намъ не дано!
Не довольны собой мы глубоко,
Оцѣнили себя мы давно!
И, въ досадѣ на то, подымаемъ
Всѣ завѣтныя чувства на смѣхъ,
И какъ камнемъ въ святыню швыряемъ
Свой сарказмъ мы во все и во всѣхъ!
Но напрасно хотимъ въ отрицаньи

Отыскать всѣмъ вопросамъ исходъ,—
Не уйти намъ упадка сознанья:
Въ насъ какъ совѣсть оно вопіётъ!
И украденный плащъ скептицизма
Не идетъ къ намъ, не впору; подъ нимъ
Не укрыть намъ, увы! эгоизма
И тоски непонятной самимъ.
И томленье души недовольной
Уличаетъ насъ въ томъ, гордецовъ;
И завидуемъ вамъ мы невольно,
Современники нашихъ отцовъ!
И чѣмъ глубже въ комъ это томленье,
Тѣмъ вамъ больше сочувствуетъ онъ,—
И тѣмъ выше его къ вамъ почтенье,
И тѣмъ ниже предъ вами поклонъ!

Ю. В. Жадовской.

Дорогъ мнѣ твой подарокъ прекрасный!
Но не въ мочь мнѣ тебя отдарить;
Нѣтъ, пытаться я сталъ бы напрасно:
Не съумѣю я такъ говорить.

Не съумѣю я въ слово живое
Сердца теплыя чувства облечь:
Подавляетъ ихъ чувство иное
И насильно врывается въ рѣчь.

И звучитъ это чувство сурово;
Потому-что начало ему—
Въ обожаніи края роднаго
И въ любви беззавѣтной къ нему,—

Оскорбленной нечестьемъ стремленій,
Оскорбленной неправдою дѣлъ,
Безобразьемъ вседневныхъ явленій!—
И напрасно, и рѣзокъ и смѣлъ,

Онъ, дитя задушевнаго чувства,
Рвется въ души проникнуть мой стихъ:
Неодѣтый красою искусства,
Онъ не тронетъ сограждань моихъ;

Не подыметъ въ сердцахъ ихъ сознанья
Божьей правды, добра и любви;
Не осилитъ змѣю отрицанья...
И нестройныя пѣсни мои

Прозвучатъ, ничего непосѣявъ,
Не прививъ убѣжденье свое;
Можетъ скажутъ: «Была въ нихъ идея;
Но мы знали и прежде ее.

Донъ-Кихотствовалъ авторъ ихъ смѣло,
Порывался съ неправдой на бой»
Но прибавятъ: «Его-ль это дѣло?
Что за цензоръ нашелся такой!»

И не сыщетъ отвѣта, кипучій
Укоризной суровою, стихъ

Такъ какъ рой этихъ сладкихъ созвучій,
Задушевныхъ созвучій твоихъ.

Я цѣню твой подарокъ высоко;
Но журчанію тихой волны
Не отвѣтъ стонъ болѣзно-глубокій,
Стонъ колеблемой бурей сосны.

Потокъ.

Въ глубокой лощинѣ, какъ будто въ темницѣ,
Межъ камней, я видѣлъ, томится потокъ.
Отвсюду стѣсненный, онъ хочетъ пробиться,
Прорваться на волю; но берегъ высокъ,
Но жадно впиваетъ откосовъ лощины
Песчанная почва живую струю,
И вѣтеръ заноситъ бурьяномъ съ равнины,
И ставитъ осока запруду свою.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

За то и ведетъ онъ упорно борьбу;
Не хочетъ покоя и проситъ движенья,
И часомъ, какъ будто, умолитъ судьбу.
Родимыя горы, изгнанника-сына
Порой вспоминая, разливы весны
Ему посылаютъ въ трущобу лощины,
Какъ-будто гостинцы съ родной стороны.
Тогда наступаетъ разгулъ для потока:
Подымутся воды въ ущельѣ глухомъ
И за берегъ хлынутъ далеко, широко,
И степи разливомъ покроютъ кругомъ;
Раздольно какъ море потокъ разольется,—
Давно вѣдь хотѣлось ему на просторъ!—
Съ лазоревымъ небомъ краями сольется.
И волнъ благодатныхъ могучій напоръ
Омоетъ всю нечисть, что̀ встрѣтитъ въ дорогѣ,
Вездѣ освѣженья внесетъ благодать,
Лѣнивца-медвѣдя подыметъ въ берлогѣ,
Лисицу и волка заставитъ бѣжать,
Въ кустарникахъ темныхъ,—слѣды преступленій,—
Забытые трупы—отыщетъ, найдетъ

И ихъ понесетъ на волнахъ—обличеньемъ
Злодѣйствъ потаенныхъ—на свѣтъ, предъ народъ.
Пройдетъ полноводье, разливъ прекратится,
Уляжется снова въ лощину потокъ;
Но почва вступнѣетъ, но степь освѣжится,—
И часомъ дастъ злаки и мертвый песокъ!
А онъ, совершитель земли обновленья,
Будильникъ въ ней жизни, покорный судьбѣ,
Опять возвратится въ свое заточенье,
Къ своей неисходной и вѣчной борьбѣ!
Таковъ твой удѣлъ здѣсь, пѣвецъ злополучный!
Твой трудный, покрытый преградами путь,
Гдѣ горе, товарищъ съ тобой неразлучный,
Какъ коршунъ терзаетъ усталую грудь;
Гдѣ жизнь пролетаетъ; гдѣ тратятся силы
На то, чтобъ отбиться отъ мелкихъ заботъ;
Откуда, какъ камнемъ изъ темной могилы,
Тебѣ загороженъ бѣдою исходъ!
И вдругъ посреди этой жизни тлетворной
Слетитъ вдохновенье, какъ Божій призывъ,
И душу наполнитъ тепломъ животворнымъ
Какого-то свѣтлаго чувства наплывъ;
Воскреснутъ мгновенно усталыя силы,
Грудь дышитъ широко, волнуется кровь,
И встанутъ, какъ Лазарь изъ темной могилы,
И свѣтлая вѣра, и къ ближнимъ любовь.

Душа вдругъ запроситъ горячей молитвы,
И сердце, сознаніемъ правды полно,
Отважное, рвется и требуетъ битвы
Со всѣмъ, что неправо,—со всѣмъ, что̀ темно.
Являются силы схватиться съ порокомъ;
Далеко отхлынутъ и робость, и страхъ,—
И полныя гнѣвно-громовымъ упрекомъ,
Слова обличенья дрожатъ на устахъ!
И вотъ онъ, смиренный, и вотъ онъ, убогій,—
Надъ кѣмъ тяготѣли и люди, и рокъ,—
Вдругъ станетъ посредникъ межъ міромъ и Богомъ,
Судья неумытный и вѣщій пророкъ!
И Божіей правды глаголы святые,
И зовъ вопіющей отчизны къ дѣтямъ,
И дѣдовъ завѣты, преданья родныя,
Пѣвецъ-благовѣстникъ разскажетъ людямъ;
Молитвою въ душу страдальца проникнетъ
И пѣсню надежды ему запоетъ,
Надъ ухомъ злодѣя огласкою крикнетъ,
Освищетъ сатирой, насмѣшкой убьетъ!
Любви упоенье, восторги, томленья
Въ гармонію звуковъ одѣнетъ пѣвецъ,—
И юная дѣва услышитъ съ волненьемъ
Въ тѣхъ звукахъ завѣтную пѣсню сердецъ.
Онъ всѣмъ человѣческимъ чувствамъ отвѣтитъ,
Душой отзовется на каждый порывъ,

И въ любящемъ сердцѣ созвучіе встрѣтитъ
Всего человѣчно-благаго призывъ.
Но вотъ пронесется, пройдетъ вдохновенье,
И въ мелочи жизни опять погруженъ,
Онъ снова надѣнетъ вериги терпѣнья,
И крестъ свой потащитъ по прежнему онъ...
Но пѣсня осталась, но мысль полетѣла,
Пошла благотворно гулять межъ людей,—
И честное слово на честное дѣло
Кого-нибудь вызоветъ мощью своей!

Прости.

Прости въ послѣдній, можетъ, разъ,
О, родина моя!
Ужъ якорь поднятъ,—черезъ часъ
Далеко буду я.
Иду не счастія искать:
Оно не мой удѣлъ;
О нёмъ молиться и мечтать
Отвыкнуть я съумѣлъ.
И то, чѣмъ всѣ увлечены,
Мнѣ не волнуетъ грудь.
Но, можетъ быть, въ пылу войны
Забудусь какъ нибудь;

Быть можетъ, бурей боевой
    Былое заглуша,
Найдетъ утраченный покой
    Страдалица-душа.
Ужъ вотъ фрегатъ подъ паруса
    Вступилъ, и полетѣлъ.
Все шире, шире небеса,
    Все далѣй ихъ предѣлъ.
И берегъ началъ предо мной
    За далью пропадать....
Вотъ, чуть темнѣетъ за волной
    Вотъ, вотъ..... и не видать.....
За чѣмъ-же въ сердцѣ что-то вдругъ
    Какъ будто порвалось?
Тоскливо ищетъ взоръ вокругъ
    Того, что унеслось.
И душу стиснула печаль...
    О чемъ она, о чемъ?
Иль стало прошлаго мнѣ жаль,
    И плачу я о немъ?....
Родимый край, родимый край,
    Увидимся-ль опять?
Богъ вѣсть, придется-ль мнѣ прощай
    На здравствуй обмѣнять!
Судьба насъ рано развела:
    Такъ молодъ я еще!

Душа любить еще-бъ могла
Такъ крѣпко, горячо!
И разставаясь навсегда,
Болитъ она о томъ,
Что не оставилъ я слѣда
Въ краю моемъ родномъ;
Что также скоро сгинетъ въ немъ
И память обо мнѣ,
Какъ эта струйка за рулемъ
Исчезнетъ на волнѣ....

Кавказъ.

Вотъ онъ, грозный и могучій,
Гордо всталъ межъ двухъ морей.
Надъ челомъ нависли тучи,
Словно думы у людей.
Какъ наѣздникъ устарѣлый,
Грустно долу онъ глядитъ
И, встревоженный, слѣдитъ,
Какъ сжимаются предѣлы
Старой воли, прежней воли,
Съ каждымъ годомъ болѣ, болѣ...

Онъ рванулся бы безстрашно

Раздавить гяуровъ строй;
Но ужъ поздно, по напрасно—
Нѣту силы въ немъ былой.
И пришельцамъ уступая,
Видя рабство сыновей,
Онъ о вольности своей
Тайной местiю пылая,
Точитъ горькiя струи,
Слезъ горячiя ручьи.

И безсильный, и плѣненный,
Не прощаетъ онъ врагамъ;
Полонъ злобы затаенной,
Стережетъ ихъ тутъ и тамъ.
И отъ времени до время,
Въ мести вѣренъ, хоть не скоръ,
Captureслѣдитъ ихъ между горъ
И въ расплохъ обвала бремя
Онъ обрушитъ вдругъ на нихъ,
Смертныхъ недруговъ своихъ!

Ущелье.

Я помню Кавказа сѣдыя вершины;
Знакомы мнѣ кручи, обвалы, стремнины:
Во всѣхъ направленьяхъ проѣхалъ не разъ
Тебя я, громадный, могучій Кавказъ!
Но помню всѣхъ больше, хоть было давно,
Въ горахъ Дагестана ущелье одно.
Да, развѣ отчаянье этой дорогой
Два раза рѣшится испытывать Бога!
Я разъ тамъ проѣхалъ, спасаясь вдвоемъ,
Отъ смерти иль плѣна, съ моимъ кунахомъ:
За нами абреки упорно гнались;—
Мы скрылись за камни;—они пронеслись.

Обманъ удался намъ; но могъ ли продлиться?....
Мы знали, что горцы должны воротиться.
«Вотъ въ горы тропинка,» сказалъ мнѣ кунахъ;
«Опасна, я знаю, но тамъ—иншаллахъ!—
«Быть-можетъ спасемся, а здѣсь намъ бѣда.»
И смѣло коней мы свернули туда.
Пробрались межъ камней, и по дну потока
Пустились, чтобъ слѣдъ нашъ для вражьяго ока
Остался невидимъ на каменномъ днѣ,
Хоть кони держались съ трудомъ въ быстринѣ.
Потомъ повернули горою кругомъ,
И скоро укрылись въ ущельи глухомъ,—
Въ ущельи столь тѣсномъ, что это ущелье
Казалось скорѣе глубокою щелью.
Казалось, здѣсь гору Архангелъ мечемъ
Разсѣкъ и раздвинулъ немного потомъ,
И время одѣло расщелину въ лѣсъ;
На дно же источникъ змѣею пролезъ.
Ущелье чернѣло какъ жилище дива.
Дорога повисла по краю обрыва
Надъ пропастью темной; а съ той стороны
Какъ будто остатки гигантской стѣны;
Къ ней горы примкнули сплошною грядой,
И всталъ у дороги ихъ каменный строй,
Вздымаясь надъ нею стѣною отвѣсной.
И душно въ ущельи, и глухо, и тѣсно.

Подымешь-ли къ небу испуганный взоръ,
Твой взоръ не отъищетъ вершины тѣхъ горъ;
Опустишь ли долу,—тамъ пропасть безъ дна,
Страшна какъ могила, какъ полночь темна;
Лишь слышно, какъ тамъ, глубоко подъ тобою,
Ворочая камни вспѣненной волною,
То прядая тигромъ, то свившись какъ змѣй,
Шипитъ и клокочетъ нагорный ручей,
И воетъ и стонетъ, какъ будто живой,
Какъ будто въ темницѣ черкесъ молодой,
И рвется на волю изъ тѣснаго ложа,
И въ ярости глыбу гранитную гложетъ.
И странное чувство жметъ путнику грудь:
Сжимается сердце, и тяжко дохнуть;
Онъ знаетъ, что здѣсь далеко до людей;
Онъ видитъ всю дерзость отваги своей;
Онъ чувствуетъ ясно, что эта дорога
Назначена тучамъ, не людямъ, отъ Бога;
Онъ чуетъ всѣмъ тѣломъ, какъ бездна влечетъ...
А беркутъ завидѣлъ добычу, и ждетъ;
И радостно хлещетъ о воздухъ крыломъ,
И съ крикомъ зловѣщимъ летаетъ кругомъ.
И кажется, слышно въ томъ крикѣ надъ нами:
«Ужъ какъ попируемъ сегодня мы вами—
«И я, и орлица, и коршунъ сосѣдъ;
«А кости чекалка сгрызетъ на обѣдъ.

«Дождалось ущелье веселаго дня!.....»
Здѣсь жизнь человѣка въ ногахъ у коня.
Искусства не нужно на этой дорогѣ.
И если у горца желѣзныя ноги,
Онъ вынесетъ; если-жъ.....чуть на волосъ въ бокъ,
И грохнутся въ бездну и конь, и ѣздокъ,—
И злая не пуститъ ихъ даже до дна:
Въ полетѣ порветъ ихъ на клочья она!

Палѣй.

Украинская дума.

Гей, казаки, горе-доля!
Кличетъ васъ сѣдой Палѣй
Саблю въ руки, на конь въ поле;
Покидай жену, дѣтей;
Полно съ бабами вамъ жить,
Время, дѣтки, время мстить!

Не дадимъ въ обиду братьевъ:
Ляхъ ихъ мучитъ день и ночь.
Изъ отцовскаго объятья
Онъ, безбожный, вырвалъ дочь;

Обезчестилъ мать, жену;
Взялъ церковную казну.

Въ храмѣ Божьемъ жидъ властитель,
И въ мольбѣ у алтаря
Заглушенъ богослужитель
Пѣснью панскаго псаря;
А проклятый экономъ
Топчетъ нивы, грабитъ домъ.

Ну-же, дѣтки, живо, живо!
Въ замкѣ праздникъ былъ вчера:
Будетъ славная пожива—
И коней, и серебра!
Послѣ пиру Ляхи спятъ;
Слышно, три дни ужъ кутятъ.

Ну-же, съ Богомъ! за винтовки
И какъ тѣни вслѣдъ за мной...
Экономовъ на веревки,
Панамъ головы долой.
Женъ и дочекъ по рукамъ—
На потѣху казакамъ.

. . . .
. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Зажигать не торопиться,
Да ксензовъ не забывай...
Когда все угомонится,
Съ четырехъ концовъ валяй;
Ну, а съ грязной жидовой—
Съ камнемъ въ прорубь головой....

Пастухи.

Что̀ сгруснулся, Ваня,
Что̀ поникъ родимый?....
Видно, снова Таня
Пробѣжала мимо?
Нынче хороводы,
Молодежь гуляетъ:
И тебя охота
Также подмываетъ?
И тебѣ бы съ Таней
Поплясать хотѣлось?
Только чтобы, Ваня,
Послѣ не жалѣлось!

Въ хороводахъ пляски,
Красныя рѣзвятся,
Запылаютъ глазки,
Щёчки разгорятся,—
Хорошо! ни слова;
А какъ той порою
Забредетъ корова—
Стопчитъ яровое,
Кто тогда въ отвѣтѣ?
Міръ тебя осудитъ,—
Вычтетъ; а съ семьею
Чтò зимою будетъ?..
Радость да веселье
Дѣло, братъ, богатыхъ.
Вѣдь и дѣвки то-же
Любятъ тороватыхъ;
Чтобы съ ними знаться,
Нужно, малый, много;
Гдѣ жъ тебѣ тягаться?
Ты бобыль убогій!
Нужны тамъ карманы,
Братецъ, не такіе,—
Синіе кафтаны,
Шляпы щегольскія!..,
Стыдно вѣдь, парнишкѣ,
Стать передъ народомъ

Въ сѣромъ зипунишкѣ,
Хуже всѣхъ уродомъ.
Что-жъ соваться къ Танѣ—
Съ голью неключимой?
Богъ братъ съ нею, Ваня,
Богъ съ ней, мой родимый!
Только вѣдь сначала
Будетъ тяжеленько...
Охъ, и я, бывало,
Плакивалъ частенько...
Да, разгула голодъ—
Знаемое дѣло...
Былъ и я вѣдь молодъ;
Также кровь кипѣла;
Также порывался
Я повеселиться,
Къ красньмъ приласкаться,
Хватомъ нарядиться.
Ба!....Да бѣдность злая
И меня съ-измала,
Что̀ жена лихая,
За полу держала.
Вырваться не трудно,—
Одному бъ хватило,—
И гульнулъ бы чудно,
Какъ душа просила;

Да тутъ совѣсть въ ухо,
Словно голосъ съ неба:
«Знай гуляй, Петруха,—
Пусть семья безъ хлѣба!»
А семья-то,—знаешь,—
Старики да дѣти;
И у нихъ, смѣкаешь?—
Я одинъ на свѣтѣ.
И обдастъ какъ варомъ,—
Вспомнешь ихъ, сердечныхъ,—
Дурь пройдетъ угаромъ....
Ну, вздохнешь, конечно....
И пойдешь за дѣло....
Такъ года летѣли;
Кровь перекипѣла,
Кудри посѣдѣли;
А теперь,—вотъ видишь,—
Нѣтъ ужъ и охоты.....
Все пройдетъ,—удивишь,—
Знай себѣ—работай!....

Ахъ, ты доля моя, горе-долюшка,
Доля темная, доля бѣдная!
Голова ль моя, ты головушка,
Голова ль моя, ты побѣдная!
Родилась на свѣтъ—словно стоило—
Съ чистымъ помысломъ, съ думой смѣлою;
На бѣду свою вѣчно спорила
Съ всякой нечистью закоснѣлою;
Не любила ты жить потемками,
Къ свѣту Божьему порывалася;
Гдѣ-бъ пройти ползкомъ да сторонками,—
На прямикъ ты шла, пробивалася.
Завела пріязнь, подружилася
Съ огневой душей, съ сердцемъ пламеннымъ;
Не надумалась, не схватилася

Обратить его глыбой каменной;
Не могла смекнуть, что не водится,
Что не ладно намъ такъ на свѣтѣ жить;
Что нельзя-де въ немъ, не приходится—
Плетью обуха, стѣну лбомъ разбить!
Эхъ-ма, буйная! кабы съ-молоду
Ты раскинула умомъ разумомъ,
Да пахнула бы въ сердце холодомъ;
Равнодушіемъ, что̀ проказою,
Охватила бы душу знойную
Да впилась въ нее самолюбіемъ;
Изсушила бы безпокойную
Черной завистью, себялюбіемъ;
Заняла-бъ у докъ, дѣло знающихъ,
Ладу съ жизнію полюбовнаго;
Отказалась бы отъ товарищей,
Отъ родной души, сердца кровнаго:—
Не была-бъ тогда наша долюшка
Вѣдьмой мачихой, бабой злющею;
Не нашло бы насъ злое горюшко,
Не сыскало-бъ насъ жизнь гнетущее!
Говорятъ, что плыть хорошо съ волной,
Ладно быть сумой перемётною;
Ну, и жили-бъ мы, голова, съ тобой
Въ свѣтѣ птицею перелетною:
Гдѣ тепло, свѣтло,—тамъ мы тутъ какъ тутъ;

Стало холодно,—мы поклонъ да вонъ.
Не сгубилъ бы насъ не-по-силамъ трудъ,
Не заѣлъ бы насъ безнадежный онъ.
Жизнь-то прожили-бъ мы, гуляючи
По пирамъ, гостямъ, по чужимъ домамъ,—
Безъ хлопотъ, заботъ, припѣваючи.
Лишь одинъ бы трудъ оставался намъ:
Низко кланяться да поддакивать,
Торговать своимъ убѣжденіемъ,
Льстить безъ совѣсти, лгать—не вздрагивать,
Пріучить себя къ униженію,
Не краснѣючи называть съ божбой
Ложью истину, чернымъ бѣлое....
Оплошали мы, голова, съ тобой,
Оплошали мы, неумѣлая!—
Не вернуть воды по рѣкѣ назадъ,
Не согнуть въ дугу матерой дубнякъ;
Начинать теперь жить на новый ладъ—
Пуще прежняго попадемъ въ просакъ.
Не осеннею, говорятъ, порой
Люди ходятъ въ лѣсъ за малиною;
Доживать знать намъ голова, съ тобой
Такъ, какъ жили вѣкъ — по старинному!
Что же буйная, достоимъ борьбу
Долю вынесемъ стерпимъ горющко
Доживемъ бѣду, не кляня судьбу,
Голова-ль моя, ты головушка!

Фрегатъ.

Море и небо, небо и море...
Тамъ на широкомъ, на вольномъ просторѣ
Ходятъ, гуляютъ тучи и волны,—
Тучи и волны, угрозою полны.
На морѣ буря, гроза въ небесахъ;
Межъ ними фрегатъ, подобравъ паруса,
Смѣло несется по бурнымъ волнамъ,
Высокія мачты поднявъ къ облакамъ.
Тучи въ безумца мещутъ громами;
На морѣ волны воздвиглись горами;
Сжатый межъ ними, бьется отважный,
Путь пролагая надъ пропастью влажной.

Гибель отвсюду. Куда ты, фрегатъ?
Иль смерти ты ищешь и жизни не радъ,
Дерзкій, какъ смѣешь ты Бога пытать?
Съ моремъ и небомъ тебѣ-ль совладать?
Много безумцевъ здѣсь схоронила
Ихъ непощадно-грозная сила....
Въ Божіей волѣ смерть и спасенье.
Чуждъ я нечестья пытать Провидѣнье:
Нѣтъ, не слѣпая отвага влечетъ
Меня черезъ море впередъ и впередъ.
Тучъ не боюся, не страшенъ мнѣ валъ;
Но дерзностно бури я самъ не искалъ.
Гордости вѣтра буйная сила
Убраннымъ править не можетъ вѣтриломъ.
Въ битву съ грозою, въ битву съ напастью
Мчусь не отчаянья темною властью.
Радъ бы я къ цѣли безъ бури дойти;
Но ежели встрѣтилъ ее на пути,
Что-бъ ни судила мнѣ воля Творца,
Я смѣло подъ бурей дойду до конца.

Дума.

(Съ малороссійскаго)

Я-бъ желалъ спросить у Бога,
Да душа не смѣетъ:
Для чего съ-измала сердце
Намъ надежда грѣетъ?....
Можетъ, лучше бы на свѣтѣ
Безъ нея жилося;
Можетъ, плакать бы такъ много
Намъ не довелося:
Было-бъ сердце сухо, глухо,
Какъ душою скряга,—

Ничего бъ ни отъ кого бы
И не ждалъ бѣдняга.
Гляньте, вотъ пустая хата
О-бокъ при дорогѣ:
Нѣту оконъ, двери сняты,
Бу̀рьянъ на порогѣ,
И ни вечеромъ, ни рано
Въ ней не топятъ печи;
Никогда не раздаются
Тамъ людскія рѣчи.
Всякъ сторонится той хаты:
Обойдетъ прохожій,
Далеко купецъ объѣдетъ,
Минетъ старецъ Божій.
Но смотрите, какъ весною
Солнце засіяетъ,
Божья ласточка надъ нею
Гнѣздышко свиваетъ;
Иль когда завоетъ буря,—
Вѣстникъ бѣдъ крылатый,—
Чёрный воронъ съ крикомъ вьется
Надъ забытой хатой.
Такъ и сердце человѣка:
Горе одолѣетъ,—
Словно хата при дорогѣ,
Смолкнетъ, запустѣетъ;

Все заглохнетъ, все погибнетъ,
Что̀ въ немъ жило прежде,—
А всё гнѣздышко найдется
Ласточкѣ-надеждѣ.
Все въ немъ, кажется, уснуло
И ужъ не проснется;—
Глядь, а горе, словно воронъ,
Съ крикомъ отзовется.

Самоубійца.

Онъ на-взничь у стола лежалъ, покрытый кровью.
Одна изъ книгъ, набросанныхъ въ углу,
Служила для него случайнымъ изголовьемъ;
А пистолетъ валялся на полу.
Пустая рамочка, рѣзьбы весьма узорной,
Висѣла на стѣнѣ. На окнахъ и столахъ
Повсюду грудою виднѣлся пепелъ черный
Сожженныхъ имъ и писемъ и бумагъ.
Былъ выстрѣлъ сдѣланъ въ грудь. Подъ самымъ серд-
цемъ ранку
Не закрывалъ распахнутый халатъ.
По комнатѣ народъ толкался спозаранку,

Полиція свершала свой обрядъ.
Покойникъ жилъ одинъ, и хоть весьма прилично,
Но никого тутъ не было, кто-бъ могъ
Спасти несчастный трупъ отъ выставки публичной
И дверь замкнуть зѣвакамъ, на замокъ.
Изъ близкихъ и родныхъ никто не появлялся;
Ихъ не было иль вѣсть къ нимъ не дошла.
Свободно всякъ входилъ, глядѣлъ и удивлялся,
И средь толпы бесѣда шумно шла.
Всякъ знать хотѣлъ, кто былъ покойникъ; отчего бы
Убилъ себя? и какъ, и почему?
Отъ пьянства, отъ долговъ, отъ картъ иль отъ зазнобы
Сталъ Божій міръ несносенъ такъ ему?
Служащій былъ иль нѣтъ, заносчивый иль смирный,
Имѣлъ родныхъ иль вовсе былъ одинъ?
Всѣхъ больше хлопоталъ сосѣдъ его квартирный
Приземистый какой-то господинъ.
Казалось, онъ въ душѣ былъ радъ самоубійству,
Какъ случаю вниманье обратить,
Публично показать способности къ витійству,—
И въ сотый разъ пускался говорить,
Разсказывать толпѣ, что онъ стѣна-съ-стѣною
Съ покойнымъ жилъ и зналъ его давно,
Что выстрѣлъ испугалъ ужасно ихъ съ женою,
Что тотчасъ знать полиціи дано.
«Такого», продолжалъ разскащикъ», тунеядца

Я отъ роду, ей-Богу, не видалъ;
Служить онъ не хотѣлъ, любилъ вотъ такъ слоняться,
Отъ праздности себя и доканалъ.
Онъ рядомъ съ нами жилъ два года на квартирѣ,
Но всячески знакомства избѣгалъ;
Ужъ подлинно дикарь, обѣдалъ все въ трактирѣ;
А вотъ мамзель небось такъ принималъ.
Такая гордая, все ѣздила въ каретѣ,
Всегда въ вуаль закутана была.
Какъ теща ни рвалась, но ни за что на свѣтѣ
Ее въ лице увидѣть не могла.
Пытали кучера; такъ что-же? на пришпектѣ
Былъ экипажъ нарочно ею взятъ.
Подслушать думали,—на русскомъ діалектѣ,
Какъ въ пику намъ, на зло не говорятъ.
Бывало мимо насъ порхнетъ какъ будто фея,
А мы тишкомъ и смотримъ изъ дверей.
Меня такъ приняла разъ просто за лакея,
Такая вѣдь занозная, ей, ей!
Слуга былъ у него, старикъ угрюмый, точно
Подписку далъ ни съ кѣмъ не говорить;
Да тотъ куда-то вдругъ услалъ его нарочно,
Когда себя задумалъ уходить....»
А онъ, герой разсказовъ этихъ вздорныхъ,
Лежалъ нѣмой, недвижный на полу.
Какъ лента, прядь волосъ, кудрей густыхъ и чорныхъ,

Спускалась вкось по блѣдному челу.
Въ лицѣ остался слѣдъ предсмертнаго мученья:
Бѣднякъ себя убилъ не на-поваль.
О, что ты чувствовалъ въ послѣднія мгновенья
Когда ты здѣсь въ томленьяхъ умиралъ?
Раскаялся-ль въ своей поспѣшности несчастной,
И жизнь просилъ, молилъ не уходить;
Иль, твердый въ принятомъ намѣреньи ужасномъ,
Боялся ты свой выстрѣлъ пережить?
Что былъ ты? человѣкъ съ энергіей и волей,
И бросилъ жизнь, какъ безполезный грузъ?
Или больной бѣднякъ, помѣшанный, не болѣй,
Иль просто малодушный трусъ?
Что смерть твоя была трагедія иль шутка?
Чудакъ ты былъ иль жалокъ и смѣшонъ?
Убилъ ли ты себя въ затмѣніи разсудка,
Несчастіемъ нежданнымъ пораженъ?
Иль тяжко угнетенъ суровою судьбою,
Въ уныніе, въ отчаянье ты впалъ;
И страхъ борьбы съ судьбой убійству былъ виною,—
И, дезертеръ, изъ битвы ты бѣжалъ.
Иль было къ жизни то глубокое презрѣнье,
И ты считалъ сознательно себя
Уполномоченнымъ прервать ея теченье,
Когда она отяготитъ тебя?
Твой сине-блѣдный ликъ и нѣмъ и безотвѣтенъ,

Запечатлен печатью гробовой;
Но вѣрно только то, что ты страдалъ на свѣтѣ...
Страдалецъ-братъ, спи съ миромъ, Богъ съ тобой!

Сосѣдка.

1.

Даль во мглѣ тумана,
Сыро, холодно;
По часамъ и рано,
А уже темно.
Словно какъ украдкой
Выглянетъ денёкъ,
Только для порядка,
Да и на утёкъ.
Солнце будто злится:
Скрылось, не глядитъ;
Небо—какъ тряпица
Грязная виситъ.

Слякоть на плотинѣ,
По дорогѣ грязь;
Вонъ какъ по лощинѣ
Рѣчка разлилась!
Словно какъ изъ сита
Дождикъ моросить;
Съ вѣтромъ садъ сердито
Что то говоритъ.
Голыя деревья
Жалобно скрыпятъ;
Къ югу, на кочевья
Листы летятъ.
Ну, уже погодка!
Нечего сказать,
Врядъ-ли кто охоткой
Выйдетъ погулять.
Право, и Валетки
Выгнать не рѣшусь...
А вотъ самъ къ сосѣдкѣ
Вѣрно потащусь.
А за чѣмъ? спроси-ка;
Врядъ ли знаю самъ!
Право, это дико—
Рыскать по гостямъ
Въ этакую пору;
Чай, поди, теперь,

Не покинетъ нору
И голодный звѣрь.
Ѣхать, въ грязь и стужу,
Двадцат верстъ сполна,
Чтобъ взглянуть какъ мужу
Ластится она—
Просто, вотъ нарочно,
Чтобы подразнить;
Ну, ей Богу, точно
Хочетъ соблазнить.
Вѣдь въ глаза смѣется,
Даже злость беретъ;
А вѣдь все неймется,
Все туда влечетъ.
Хоть бы на часочекъ,
Только-бъ увидать,
Только-бъ голосочекъ
Милый услыхать.
Какъ онъ тамъ щебечетъ,
Какъ онъ мнѣ въ отвѣтъ
Сладко пролепечетъ
Ласковый привѣтъ,
Какъ она головкой
Дружески кивнетъ,
Какъ порой плутовка
Руку мнѣ пожметъ,

«Васъ совсѣмъ не видно—»
Вымолвитъ опять
«Какъ же вамъ не стыдно
«Рѣдко такъ бывать?»
Я бываю рѣдко?...
Вотъ она! поди-жъ;
Охъ, ужъ мнѣ сосѣдка!
Ну, да погоди-жъ.....

2.

Шла сосѣдка купаться съ сестренкой;
А и той ужъ семнадцатый годъ...
Забѣжалъ я на рѣчку сторонкой,
Да въ кусты и забрался впередъ.

Отдалися проказы мнѣ эти,
И въ другой разъ, ей ей, не пойду!
Довелося извѣдать на свѣтѣ,
Какъ поджаривать будутъ въ аду.

На обычное мѣсто купанья
Въ слѣдъ за мною явились онѣ.

Началося тотчасъ раздѣванье...
Каково-жъ было бѣдному мнѣ?

Постепенно одежды спадали,
Разрѣшались одна за другой;
Наконецъ и сосѣдки предстали,
Какъ двѣ Евы въ раю предо мной.

Что я видѣлъ,—сказать не беруся;
Но, хоть было средь бѣлаго дня,
Отъ восторга и страсти, божуся,
Потемнѣло въ глазахъ у меня.

И напрасно сравненья, примѣра
Я-бъ искалъ для красавицъ моихъ;
Утверждаю одно, что Венера
Показалось бы прачкой при нихъ.—

Все въ одной было рай наслажденій:
Очертаній и формъ красота,
Граціозная смѣлость движеній
И развитія силъ полнота.

А другая—бутончикъ красивый,
Чуть развившійся въ форму цвѣтка,
Какъ ребенокъ еще шаловлива,
Но какъ дѣва стыдлива-робка.

Не шутя становилось мнѣ знойно,
Кровь кипѣла ключемъ; а онѣ,
Подозрѣнія чужды, спокойно,
Не стѣсняясь, шутили при мнѣ.

Въ восхищеніи жгуче-отрадномъ
Созерцалъ я красавицъ нагихъ;
Пожирали глаза мои жадно
Обнаженныя прелести ихъ.

Удивляюся, какъ мои взгляды
Не прожгли ихъ, хотя въ-далекѣ.
Обнимая другъ дружку, наяды
Побѣжали, рѣзвяся, къ рѣкѣ.

Мнѣ казалось, что самыя волны
Засверкали, коснувшися ихъ,
И, кипучею страстію полны,
Охватили красавицъ моихъ,

И стремились одна предъ другою
Поскорѣе къ ихъ тѣлу прильнуть;
Но изъ влажныхъ объятій порою
Вырывались то плечи, то грудь.

И шалуньи, рѣзвясь беззаботно,
Другъ на дружку плескали волной.

Я полжизни бы отдалъ охотно,
Чтобы сдѣлаться струйкой рѣчной;

Чтобы въ игры ихъ смѣло вмѣшаться,
На себѣ ихъ носить и качать,
Къ ихъ роскошному тѣлу касаться,
Ихъ чудесныя формы ласкать.

Подавляемый этимъ желаньемъ,
Чтобъ бѣды не надѣлать какой,
Не дождавшись конца ихъ купанья,
Какъ шальной убѣжалъ я домой.

Цѣлый день былъ потомъ я разстроенъ,
Цѣлый день я горѣлъ какъ въ огнѣ...
Видно такъ человѣкъ ужъ устроенъ!—
Все сосѣдки мерещились мнѣ.

А когда всѣ собрались на ужинъ,
Поразилъ ихъ измятый мой видъ:
Былъ я, точно, порядкомъ сконфуженъ;
Знать, на ворѣ и шапка горитъ!

И съ участьемъ лукавымъ сестрицы
О здоровьѣ пытали моемъ,
Предлагали поставить горчицы,
Полечиться горячимъ питьемъ....

Ахъ, когда-бъ онѣ знали, злодѣйки,
Что виною болѣзни моей!
И что сами онѣ, лиходѣйки,—
И причина и средство отъ ней.

3.

Мнѣ сказала красотка сосѣдка,
Что де въ теплыя ночи она
Любитъ долго гулять, и не рѣдко
Чуть не до свѣту бродитъ одна.

«Садъ нашъ густъ и раскидистъ какъ роща;»
Такъ проказница мнѣ говоритъ:
«Мужъ заляжетъ, уходится теща,
«Вся прислуга, какъ мертвая, спитъ.»

Замоталъ я на усъ эти рѣчи
И спросилъ, поглядѣвъ на заборъ:
«А признайтесь, вѣдь струсили-бъ встрѣчи,
Разбудили бы крикомъ весь дворъ?»

Поглядѣла въ глаза мнѣ плутовка,—
Покраснѣлъ я отъ взгляда какъ ракъ;

А она покачала головой
И сказала: «Какой вы чудакъ!

«Ну, кому къ намъ чужому забраться?
«Мужъ вѣдь самъ запираетъ кругомъ;
«Такъ чего же мнѣ дома бояться?...
«Да и я не трусиха притомъ.»

Соблазнилъ меня милой сосѣдки
Про ночное гулянье разсказъ;
Такъ-что мнѣ самому на-послѣдки
Захотѣлось попробовать разъ.—

И дождался я часу ночнаго,
Перелѣзъ потихоньку заборъ...
Тутъ вѣдь, кажется, нѣту дурнаго;
А дрожалъ я, признаться, какъ воръ.

Думалъ: ну, какъ нарѣжусь на тещу,
Иль на мужа наткнуся,—тогда
Зададутъ мнѣ такую тутъ рощу,
И сосѣдкѣ-то будетъ бѣда!

Но, собравшися съ духомъ немножко,
Я пустился украдкой впередъ;
Вотъ, гляжу замелькалъ на дорожкѣ
Распашной ея бѣлый капотъ.

На дорожку шмыгнулъ я проворно
И явился предъ ней въ двухъ шагахъ.
Испугалась она непритворно,
Раздалося не громкое «ахъ!»

Но потомъ, какъ узнала, сердиться
Не шутя на меня начала.
«Какъ могли вы на это рѣшиться?
«Развѣ поводъ я вамъ подала?

«Такъ вы платите мужу за ласки?
«Ну, что если сюда онъ придетъ?..»
Говоритъ...а злодѣйскіе глазки!....
А предательскій этотъ капотъ!...

Какъ на зло, никогда не казалась
Мнѣ такою милашкой она:
Щечки рдѣли, высоко вздымалась
Подъ капотикомъ груди волна.

Все въ ней чудною нѣгой дышало,
Все манило, звало на любовь...
Растерялся я, правда, сначала
И покаяться былъ ужъ готовъ;

Собирался сказать ужъ: «Простите!»
Но какъ глянулъ на всѣ чудеса...

До раскаянья-ль тутъ, посудите?
Разбѣжалися, просто, глаза.

И любуясь въ нѣмомъ восхищеньѣ,
Какъ болванъ я стоялъ передъ ней...
Догадалась она и въ смущеньи
Мнѣ сказала: «Уйдите скорѣй!

«Что-жъ вы стали на самой дорожкѣ?
«Тутъ, вы видите, ясно какъ въ день.
«Здѣсь васъ могутъ увидѣть въ окошки,
«Уходите скорѣе хоть....въ тѣнь.»

И свернула въ густую алейку,—
Я за нею туда-жъ поспѣшилъ.
Тамъ мы сѣли рядкомъ на скамейку;
Не припомню я, что говорилъ;

Только знаю, сосѣдка простила:
И когда надо было уйти,
Съ поцѣлуемъ меня отпустила
И опять наказала придти....

Мексиканская пѣсня.

Наше солнце блещетъ ярко;
Наши дѣвы любятъ жарко:
Жизнь для нихъ—любовь;
Взглядъ очей ихъ солнца ярче;
Поцѣлуй ихъ зноя жарче—
Распаляетъ кровь.
Какъ душистый цвѣтъ шафрана
Для любви мы зрѣемъ рано...
Пользуйся порой.
Вотъ на вѣткѣ персикъ спѣлый
Свисъ и манитъ взоры смѣло:
Это возрастъ мой.

Видишь, другъ! въ немъ спѣлость—бремя....
Не теряй напрасно время,—
Оборви скорѣй.
Я какъ онъ, красавецъ новый,
Я созрѣла, я готова
Для любви твоей.
Погляди, какъ въ плёсъ прибрежный
Море бьетъ волной мятежной...
Знаю двѣ волны:
Ихъ тревожнѣе движенья;
Страстной нѣги и томленья,
Бурныя, полны!
Посмотри, вокругъ платана
Обвилася крѣпко льяна....
Милый, приходи!
Крѣпче льяны обовьюся,
Жарче пламенной прижмуся
Я къ твоей груди!
Бойся, персикъ переспѣетъ;
Бойся, дѣва охладѣетъ:
Молодость быстра.
Розу рвутъ покуда въ цвѣтѣ,—
Для любви, мой другъ, на свѣтѣ
Лишь одна пора.

———

Вакхическая пѣснь.

Enivrons nous de baisers de nos belles...
Non, mes amis, je ne crains plus la mort.
Béranger.

Ясный мѣсяцъ запалъ;
Ночь угрюма, темна;
Часъ веселья насталъ,
Часъ любви и вина.
Собирайся скорѣй,
Разгульная семья!
Вотъ бокалы,—полнѣй
Наливайте, друзья!
Скажемъ грусти: «Поди!»
Къ молодецкой груди

Крѣпко дѣву прижмемъ,
Круговую нальёмъ,—
И летунья пойдетъ
Цѣловать весь народъ,
Полетитъ вкругъ стола,
Какъ изъ лука стрѣла;
А мы хоромъ во слѣдъ
Ей отгрянемъ привѣтъ.
Пусть мудрецъ пожилой,
Покачавъ головой,
Скажетъ, глядя на насъ:
«Ночь—спокойствія часъ»
Прочь, докучный покой!—
Отдохнемъ подъ землей.
Солнце жизни еще
Насъ печетъ горячо;
День нашъ только насталъ,
Часъ нашъ—пиру развалъ!
Наша юность, друзья,
Какъ М[illegible]эта струя,
И быстра, и хмѣльна,
Пейте-жъ, братцы, до дна,—
Да и капли одной
Не отравимъ тоской!
И пусть смерти налётъ
На пиру насъ найдетъ—

Съ смѣлымъ взглядомъ въ очахъ,
Съ чашей полной въ рукахъ.
А кто кончитъ здѣсь пиръ,
Мы проводимъ въ тотъ міръ
Не подъ плачъ, не подъ стонъ,
А подъ чашъ полныхъ звонъ.
Видя радостныхъ насъ,
Даже въ страшный свой часъ,
Пусть же злая она
Улыбнется сама,
И отъ насъ идучи
Проворчитъ смѣючись:
«Вѣкъ по свѣту крутясь,
«Не видала сродясь
«Я ватаги такой
«Разгульной, удалой!»
Собирайся-жъ скорѣй,
Разгульная семья!
Лей бокалы полнѣй,
Пей до капли, друзья!
Ясный мѣсяцъ запалъ;
Ночь угрюма, темна,—
Часъ веселья насталъ,
Часъ любви и вина!

Родина.

. . . . . по Поцѣлуевъ мостъ
Милѣе мнѣ, чѣмъ ponto di sospire.
А. Бестужевъ.

Есть далёко сторона:
Часто снится мнѣ она, —
И отрадно, хоть во снѣ,
Повидаться съ нею мнѣ.
Что̀ за чудный это край,
Что къ нему, какъ будто въ рай,
Сердце просится, летитъ;
Что душа по немъ болитъ,
Что люблю его такъ я?..
Край тотъ—родина моя.

Говорятъ: та сторона
И сурова, и хладна,
Что зима тамъ страхъ долга,
Что глубоки тамъ снѣга;
И что вѣчно въ краѣ томъ
Небо пасмурно кругомъ;
Пусть всё такъ! но отъ чего
Не смѣню я на него
Юга свѣтлые края?..
Край тотъ—родина моя.

Въ той далекой сторонѣ
Все знакомо, мило мнѣ:
И земля, и небеса,
Степи, горы и лѣса,
Гладь озеръ и ленты рѣкъ,
И землякъ мой, человѣкъ,
И подъ сѣнію крестовъ
Гробы мирные отцёвъ.
Тамъ, бездомный, дома я,—
Тамъ вѣдь родина моя!

Не гляди такъ, дѣвица,
Не мани участіемъ!
Нѣтъ, душѣ не вѣрится
Въ радость или счастіе.
Время увлеченія
Миновалось, ясное;
Скрылъ туманъ сомнѣнія
Жизни солнце красное.
Было сердце молодо—
И любило пламенно;
Но отъ жизни холода
Стало глыбой каменной.
Не буди-жь ретивое
Нѣгою бывалою;
Лаской шаловливою
Не дразни усталое.

Не дубокъ молодой
Заморило грозой,—
Нѣтъ, то доля-бѣда горемычная
Извела молодца,
Что̀ ни есть до конца,
Словно мачиха-гнётъ необычная.
Отъ всего, отъ всего—
Лиходѣйка!—его
Отлучила стѣной—невозможностью,
И замкнула кругомъ,
Что̀ желѣзнымъ замкомъ,
Что̀ запоромъ глухимъ—безнадежностью.
А чтобъ смирно сидѣлъ,
Сбить запоровъ не смѣлъ,
Чтобъ не вырвался онъ да на волюшку,—

Посадила при немъ
Неудачу во всемъ
Непощада-яга—злая долюшка.
Окружила бѣдой,
Придушила нуждой...
И вотъ такъ-то она, горемычная,
Извела молодца,
Что ни есть до конца,
Словно мачиха-гнётъ необычная.

Стансы.

О, други, здѣсь радость не щедро дана
Въ удѣлъ человѣку судьбою;
Спѣшите-же выпить всю чашу до дна,
Иль юность умчитъ все съ собою.
Счастливые гости на свѣтломъ пиру,
Который мы прозвали: младость,
Ловите горячаго чувства игру —
Любовь, наслажденье и радость.
Скажите: бываютъ ли въ годъ двѣ весны,
И дважды ли лѣсъ зеленѣетъ?
Не по двѣ намъ юности также даны:
Одинъ разъ душа пламенѣетъ.

Живите-жъ, покуда душа молода,
Доступна мечтамъ и обманамъ,—
Покуда спознаться придетъ череда
Намъ съ опытомъ, жизни тираномъ.
Угрюмое время идетъ, и ведетъ
Со старостью холодъ сердечный,
И радости жизни безжалостно рветъ.
Я слышалъ, что все здѣсь не вѣчно,
Что все, чѣмъ теперь въ насъ душа такъ полна,
Порывы высокихъ стремленій,
Сочувствія правдѣ живая струна,
И пылъ молодыхъ увлеченій,
И вѣра въ добро, и потребность любить,
И дружбы святые обѣты,—
Все мало-по-малу успѣютъ убить
Въ насъ опыта злые навѣты.
Скорѣе же, други, покуда пора,
Пока въ насъ душа не остыла,
Пойдемъ совершить сколько можно добра,
Съ недобрымъ помѣриться силой!
Полнѣй насладимтесь-же временемъ златымъ
Съ Эротомъ и Вакхомъ прекраснымъ,
Да скажемъ предъ смертнымъ мы часомъ своимъ,
Что прожили жизнь не напрасно!

Звуки.

Есть тоны, аккорды,- -ихъ тайну чудесную
Не могъ никогда я постичь;
Но чувствую, слышу въ нихъ прелесть небесную,
Всего мнѣ завѣтнаго кличъ.
Не то, чтобы тоны тѣ шумно и радостно
Гремѣли весельемъ,—о нѣтъ,
Но сердцу становится больно и сладостно,
Какъ будто бы слышу привѣтъ
Всего, что мнѣ было и мило и дорого,
Что сердце ласкало мое,
Что будитъ въ немъ чувство, увы, безъ котораго
Такъ бѣдно людей бытіе.

Всѣ звуки завѣтные, звуки любимые
Въ тѣхъ тонахъ могу различить;
И пѣсню, что пѣла, бывало, родимая,
Стараясь меня усыпить;
И шопотъ молитвы ея умилительный
Надъ дѣтской постелькой моей,
И шопотъ другой,—но такой упоительный
Таинственной нѣгой своей,—
Тотъ шопотъ, чуть слышный, признанья стыдливаго,
Признанія первой любви...
О, какъ всѣ томленія чувства ревниваго
Смирялъ онъ, бывало, въ крови!
И онъ, онъ, предвѣстникъ свиданія радостный,
Кончавшій мученье мое,
Таинственный шорохъ, какъ музыка сладостный,
И ножки и платья ее!
И звукъ поцѣлуя на вѣки прощальнаго,
Звукъ полный стенанья и слезъ;
И звукъ за горой колокольчика дальняго,
Который мнѣ вѣтеръ донесъ;
И говоръ загадочный моря безбрежнаго
Съ красавицей вѣчной землей,
Глухой отголосокъ волненья мятежнаго,
Разсказъ безконечно живой,
Когда оно страстно то льнетъ и ласкается,
И что-то такъ нѣжно журчитъ,

То, бурное, воетъ, реветъ, заливается,
Какъ будто упрекомъ гремитъ.
Какъ рѣчи любовника страстно ревниваго,
То ласкъ и моленій полны,
То полны укоровъ, допроса пытливаго,
И пышутъ угрозой онѣ.
И звона церковнаго голосъ торжественный,
Когда, средь ночной тишины,
Онъ вдругъ загремитъ и проникнетъ, божественный,
До самой души глубины.
И говоръ съ дубровою вѣтра осенняго,
И пѣсни народной раскатъ,
Когда по равнинѣ разлива весенняго
Подъ гулъ его барки летятъ.
Всѣ, всѣ эти звуки, то грустно, то сладостно,
Когда-то, въ былые года,
Мнѣ трогали душу,—и нынѣ такъ радостно
Подслушать мнѣ ихъ иногда.
Они пробуждаютъ въ душѣ вспоминанія
Забытой давно старины,
И тѣ вспоминанья, что вѣсти въ изгнаніи
Съ далекой родной стороны,
Какой-то, незнаю, они животворною
Меня обдаютъ теплотой;
И всѣ эти звуки стократъ благотворные
Я въ музыкѣ слышу порой.

Ихъ силы надъ сердцемъ моимъ обоятельной
Я вамъ разсказать не могу;
Но слыша ихъ, руку готовъ безсознательно
Подать заклятому врагу.

Въ край блаженства, свѣта море,
Жизнью неба ужъ дыша,
Отъ юдоли слезъ и горя
Уносилася душа.

Въ небо душу молодую
Ангелъ Божій провожалъ;
Нѣжно гостью дорогую
Онъ, лаская, обнималъ.

Но душа неслась уныло,
Не спѣшила улетать;
Точно будто жаль ей было
Жизнь земную покидать.

И замѣтилъ ангелъ Божій,

И спросилъ онъ у души:
«Возвращенная намъ, что-же
Ты нерадостна, скажи?»

Оттого, о, небожитель,
Я вздыхаю и грущу,
Что въ блаженную обитель
Я не вся съ тобой лечу.

Предо мной небесъ равнина
Въ беззакатномъ блескѣ дня...
А другая половина
Тамъ осталася меня.

Тамъ душа, моей родная,
Въ прахъ и персть заключена,
И томится, изнывая,
И грустить о мнѣ она.

Ангелъ Божій, съ ней мы жили
Въ мірѣ жизнію одной:
Съ нею радости дѣлили,
Съ ней дѣлились и тоской.

Я съ тобою, а родная
Тамъ осталася одна;
Безъ нея-жъ въ блаженствѣ рая
Жизнь мнѣ будетъ не полна.

Она пѣла, и чудные звуки
Отдавалися въ сердцѣ глубоко:
То въ нихъ слышались жгучія муки
И рыданья о чемъ-то далекомъ;

То восторгъ неожиданной встрѣчи
И безумная радость свиданья,
И кипучія, страстныя рѣчи,
И таинственный шепотъ признанья.

Обаянью сама уступая,
Забывала она про искусство:
Волновалася грудь молодая
Подъ наплывомъ тревожнаго чувства.

Разгорѣвшися, щечки пылали
Непривычнымъ огнемъ упоенья,
И сапфирные глазки блистали
Восхитительной нѣгой томленья.

Жалоба инвалида.

Чу! походъ ударили,—
Сердце рвется въ строй;
Такъ бы вотъ и кинулся
Съ супостатомъ въ бой!
Еще разъ святой Руси
Службу-бъ сослужилъ;
Много вѣдь охоты есть,
Нѣту только силъ.
Молодость измѣнница
Силы унесла;
А картечь турецкая
Мнѣ костыль дала.

Старый, изувѣченный
И съ одной ногой,
Словно конь бракованный,
Не гожусь я въ строй.

Не гожусь....а прежде то?...
На пиру ль лихомъ,
Въ хороводѣ, въ схваткѣ ли—
Первый былъ во всёмъ!

Эхъ, кабы десятокъ съ плечъ,
Эхъ, кабы нога,—
Разъ еще я встрѣтилъ бы
Грудью грудь врага;

Разъ еще бы нехристя
Со свѣту сослалъ;
А тогда-бъ пускай и самъ
Чистую досталъ.

Лечь въ бою средь вражьихъ тѣлъ
Лучше завсегда,
Чѣмъ потомъ сосчитывать
Съ костылемъ года,

И скитаться грустному
Въ мірѣ сиротой:
Старому служивому
Горекъ хлѣбъ чужой.

Тамъ, въ строю межъ храбрыми,
Тамъ моя семья...

Въ добрый путь, товарищи,
Старые друзья!
Радъ бы не отстать отъ васъ,
Съ вами бы впередъ;
Да вишь старость скучная
Все къ землѣ гнетётъ.
Знать, мнѣ такъ написано
На роду судьбой:
Доживать печальный вѣкъ
Одному съ клюкой.

Донъ.

(Сослуживцамъ).

Здравствуй, батько Донъ широкій,
Царь рѣкамъ родной земли!
Много дѣти издалека
Дону славы принесли!

Чай, прослышалъ ты, родимый,
Какъ гуляли казаки,
Какъ Платòвъ непобѣдимый
Въ бой водилъ твои полки;

Какъ за нимъ они летали,
Словно грозный ураганъ;

Какъ душили и трепали
Шайки тощихъ бусурманъ;

Какъ землякъ морозъ холодный
Вдругъ на нехристя напалъ;
Какъ изъ Руси онъ голодный
Безъ оглядки удиралъ;

Какъ чрезъ Вислу, Рейнъ и Рону
И до Сены береговъ
Мы на славу батькѣ Дону
Гнали дерзостныхъ враговъ;

Какъ за честь твою стояли,
Нежалѣючи себя,
Какъ въ Парижѣ пировали,
Вспоминаючи тебя.

Разыграйся-жъ, Донъ широкій,
Царь рѣкамъ родной земли!
Много дѣти изъ-далека
Дону славы принесли!

Когда придетъ тебѣ пора страданья,
И зашумитъ вокругъ тебя гроза,
Мой братъ! не унывай—пускай твоя слеза
Предъ Господомъ падетъ мольбой, а не роптаньемъ.
Не унывай: Всему здѣсь есть граница,
Страданіямъ и жизни есть предѣлъ;
Намъ доли раздаетъ Создателя десница,
И каждому по силамъ данъ удѣлъ.
Не унывай: въ страданьи искупленье,—
Страданьемъ грѣхъ очищенъ и омытъ;
Не унывай: въ печальномъ ослѣпленьи
Не думай, братъ, что Богомъ ты забытъ.
Нѣтъ, въ трудный часъ борьбы твоей житейской
Онъ во́-время придетъ тебя спасти,
Иль тяжкій жизни крестъ поможетъ донести,
И будетъ Самъ тебѣ Онъ—Симонъ Киринейскій.

Предчувствіе.

Бываютъ минуты,—безвѣстной тоскою
    Сожмется вдругъ сердце въ груди,
Какъ будто бы чуетъ, что новой бѣдою
    Грозитъ мнѣ судьба впереди;
Душа замираетъ отъ грусти сердечной,
    И слезы бѣгутъ изъ очей:
Тогда прибѣгаю къ тебѣ, Безконечный!
    Съ молитвою грѣшной моей.
Какъ сынъ Твой заблудшій, тоской угнетенный,
    Стучусь у Твоихъ я воротъ,
И кажется, слышу въ душѣ умиленной
    Твой голосъ, Отецъ всѣхъ сиротъ:

«Ко Мнѣ, утружденные жизнью, придите,
«Страдальцы, во Мнѣ вашъ покой,—
«Лишь иго мое на себя возложите:
«Легко это иго со Мной.»
И какъ-то все легче мнѣ послѣ молитвы:
Отъ вратъ Твоихъ съ вѣрой иду,
И смѣло готовлюсь на новыя битвы,
И съ твердостью горя я жду.

. . .

Къ Тебѣ, о, Боже благости!
Худой, я прихожу;—
Не благъ земныхъ, не радости,
Не счастія прошу;

Клоню главу покорную
Подъ тяжкій мой удѣлъ:
Я свыкся съ долей черною,
Въ страданьи очерствѣлъ.

Чтобъ ни было положено
Тобою, я бы снесъ,
Все вынесъ бы; но, Боже мой,
Дай слезъ мнѣ, только слезъ!

Онѣ въ минуты черныя
Мнѣ душу озарятъ,
И, можетъ, чудотворныя,
Съ Тобою помирятъ....

Измученъ жизни битвою,
Усталъ я, Боже мой!
Но все съ одной молитвою
Являюсь предъ Тобой.

Ты путь покрылъ мой терніемъ,
Далъ крестъ на томъ пути,—
Дай силъ его, Создатель мой,
До гроба донести.

Ты чашу далъ мнѣ горькую...
Не смѣю я молить,
Что-бъ мимо шла; но мочи дай;—
До дна ее допить.

Твоей грѣховности сознаньемъ
Въ душѣ глубоко удрученъ,
Ты думалъ: «Господомъ страданью
Я невозвратно обреченъ.
Терпѣнье Божіе устало
Меня, преступнаго, щадить:
Знать, покаяньемъ запоздалымъ
Нельзя грѣховъ своихъ омыть;
И тяжесть ихъ, въ вѣсахъ на строгомъ
И праведномъ Его судѣ,
Перетянула благость Бога,
И Онъ обрекъ меня бѣдѣ.»
И заслуженнымъ воздаяньемъ
Принявъ тяжелый свой удѣлъ,
Ты не роптал; но упованью

Въ душѣ дать мѣста не хотѣлъ...
Какъ цѣпь, нёсъ жизнь ты безъ отрады
И только ждалъ ея конца,—
Не смѣя чаять ужъ пощады,
Ни умолить о ней Творца.
О, братъ мой, это убѣжденье,
Оно твой самый тяжкій грѣхъ.
Твое предступное терпѣнье —
Зовутъ отчаяньемъ. На всѣхъ
Лежитъ Создателя десница,
Въ ней мзда и кара нашихъ дѣлъ;
Но гдѣ-жъ любви Его граница?
Гдѣ милосердію предѣлъ?....
Кто благости Его къ созданью
Дерзнетъ конецъ опредѣлять?
Тебѣ-ль, былинка въ мірозданьи,
Ее собою измѣрять?
Повѣрь, мой братъ, такая твердость,
Подъ тяжкимъ бременемъ креста,—
Не сила,—нѣтъ, слѣпая гордость,
Упадокъ, духа нищета.
И безнадежное страданье,
Какъ апатія мертвеца,
Есть не покорность,—отрицанье
Любви и благости Творца.
Онъ часто къ благу испытаньемъ

Ведетъ насъ промысломъ своимъ.
О, братъ мой, вѣрь, что покаянья
Нѣтъ запоздалаго предъ Нимъ.
Отвергни-жъ гордости внушенье,
Смиренно сердцемъ умились,
Терпи; но вѣруй въ отпущенье;—
Терпя, надѣйся и молись.

Не осуждай—затѣмъ, что всѣ мы люди,
Всѣ слабы, немощны, опутаны грѣхомъ;
Волнуютъ страсти наши груди,
Въ грѣхѣ родимся и живемъ.

Не осуждай... Чтобъ ближнихъ быть судьею,
Спроси у совѣсти, ты самъ-то лучше-ль ихъ?
О, братъ, кто точно чистъ душею,
Тотъ благъ къ погрѣшностямъ другихъ!

Не осуждай... Вѣдь слову нѣтъ возврата.
Смотри, чтобъ, какъ сказалъ Спаситель, неравно
Увидишь спицу въ глазѣ брата,
А проглядишь въ своемъ бревно.

Не осуждай—затѣмъ, чтобъ обличеньемъ
Не палъ и на тебя тотъ камень съ высоты,
Тяжелый камень осужденья,
Которымъ въ брата бросишь ты.

Не осуждай—затѣмъ, мой братъ, что право
Судить и миловать принадлежитъ Тому,
Предъ Кѣмъ открытъ нашъ міръ лукавый,
Кто можетъ свѣтомъ сдѣлать тьму.

Не пытай у волны:
«Отчего ты, волна,
«Въ непогодные дни
«Такъ глубòко темна?»

Не пытай у пѣвца:
Почему, отчего
Отдается въ сердпахъ
Грустью пѣсня его?

Цвѣтъ волны—неба цвѣтъ:
Если ясно оно,
Свѣтло море; а нѣтъ,
Ходитъ море темно.

И волна не властна
Одѣваться въ лазурь,
Коль небесъ пелена
Станетъ ризою бурь.

Даръ благаго Творца,
Пѣсня отзывъ того,
Что̀ въ душѣ у пѣвца,
Что̀ волнуетъ его.

Можно, люди, лицу
Произвольный дать складъ;
Но не вольно пѣвцу—
Пѣть съ душею въ разладъ.

Пѣсня сходна съ волной:
Если въ сердцѣ гроза,—
Сквозь напѣвъ разгульной
Отзовется слеза.

Дума.

Какъ на небѣ тучи сберутся порой,
И свѣтлое небо мгновенно темнѣетъ;
Такъ думъ безотрадныхъ докучливый рой
Невольно душою подъ-часъ овладѣетъ;
И станетъ тогда на душѣ такъ темно,
И сердце тоскливо заноетъ, забьется,
Какъ будто бы хочетъ порваться оно,
Какъ будто съ послѣдней мечтой разстается.
Сомнѣнье, какъ коршунъ, мнѣ вцѣпится въ грудь....
Сомнѣнья въ себѣ нестерпимо мученье:
Страданіе, горе какое ни будь—
Все вынести легче, чѣмъ это сомнѣнье!

Въ такія минуты, одинъ самъ съ собой,
Себя я сурово на судъ призываю,
Предъ Бога и совѣсть на судъ роковой,—
И памятью строго былое пытаю.
И встанетъ она, безотрадна, темна,
Вся жизнь прожитая тогда предо мною;
Событья былаго, какъ призраки сна,
Какъ Дантовы тѣни проходятъ толпою:
Вотъ скудное дѣтство подъ гнетомъ судьбы;
Вотъ юность безъ цвѣта, блѣдна и уныла;
Вотъ мужество, годы упорной борьбы,
Растраты напрасной и время и силы.
И станетъ мнѣ страшно, куда ни гляди:
Лежитъ настоящее тягостнымъ гнётомъ;
Прошедшее мрачно; а тамъ впереди—
«Оставь всѣ надежды» читаю надъ входомъ.
А годы несутся, а годы летятъ,
И вотъ ужъ полъ-жизни осталось за мною...

Да, страшно и грустно взглянуть мнѣ назадъ!
Тамъ споръ безнадежный съ людьми и судьбою;
Тамъ рядъ безполезныхъ усилій ума,
Ошибокъ, разлада, утратъ, огорченій;
Тамъ все, что̀ покрыла минувшаго тьма,
Что̀ сгибло, задохлось въ туманѣ сомнѣній.
Всю жизнь неуклонно и честно я шёлъ,
Казалось, дорогой труда благородной;

Не подличалъ сердцемъ,—стыдился, не велъ
Душою торговли—такъ часто доходной!
Отъ лести презрѣнной, отъ злой клеветы
Уста и перо мои чисты и святы;
И путь мой повсюду былъ путь правоты,
Терпѣньемъ, трудами и горемъ богатый...
Зачѣмъ-же при мысли о прошломъ грызетъ
Мнѣ душу сомнѣнье, тоска и забота,—
И совѣсть какъ призракъ могильный встаетъ,
И, строгая, требуетъ грозно отчета:
«Какъ понялъ и какъ ты исполнилъ его,
«Высокій удѣлъ на землѣ человѣка;
«И чѣмъ оправдалъ ты Творца твоего,
«Безплодно проживъ и отживъ все въ полъ—вѣка?..
И нѣту отвѣта на грозный вопросъ:
Напрасно ищу я въ душѣ оправданья!
И давитъ мнѣ сердце, и больно до слёзъ
Обидное жизни безплодной сознанье,—
Сознанье, что если я палъ предъ судьбой,
То палъ не затѣмъ, чтобы бой былъ неровный;
Но не было въ битвѣ проявлено мной
Достаточно воли и силы духовной!

Не вспоминай о бурномъ прежде:
    Оно уснуло мертвымъ сномъ,—
И сердце, чуждое надеждѣ,
    Ужъ не мечтаетъ ни о чемъ.

Его движенья тихи, мѣрны,
    Какъ будто маятника бой,—
И мѣста нѣтъ въ душѣ невѣрнымъ,
    Но милымъ снамъ поры былой.

Иду спокойно, равнодушно,
    Куда судьба ни поведетъ,
Какъ, волѣ старшаго послушный,
    Солдатъ свой дѣлаетъ походъ.

Иду, какъ онъ, съ слѣпою вѣрой,
Не зная, гдѣ привалъ найду,
Гдѣ будутъ зимнія квартеры
И скоро-ль въ чистую пойду.

Иду, какъ онъ, не разбирая,
Въ ведро иль дождь пришлось идти;
Какъ онъ, одно навѣрно зная,
Что будетъ все-жъ конецъ пути.

Холодный разумъ и терпѣнье—
Мой провіантъ на весь походъ;
И не пытая Провидѣнья,
Иду, куда ни поведетъ.

Но, чуждый пылкихъ увлеченій
И бурь подавленныхъ страстей,
Я не отрекся убѣжденій,—
Завѣтовъ юности моей:

За нихъ, какъ прежде, какъ бывало,
Стоять я буду головой,
Когда-бъ судьба опять прервала
Мой отрицательный покой.

От юности какой-то мрачный геній,—
Какой-то духъ враждующій и злой,
Духъ отрицанія, духъ темный подозрѣній,—
Повсюду слѣдуетъ, какъ тѣнь моя, за мной.
Гдѣ-бъ ни былъ я, онъ тутъ, со мною, мой мучитель.
И тягостно душѣ присутствіе его:
Я знаю, чувствую, что это онъ—губитель
Надеждъ и радостей, и счастья моего.
Забудусь ли когда подъ сладкій сердца шопотъ,
Пробудятся-ль въ душѣ порывы прежнихъ дней,
Я слышу надъ ухомъ его коварный хохотъ,
И станетъ Божій міръ еще, еще темнѣй.
Противлюсь какъ могу, веду борьбу упорно;
Мнѣ тяжко не любить, мнѣ больно презирать;
Но съ каждымъ новымъ днемъ его внушеньямъ чёрнымъ

Труднѣй противиться, труднѣй ихъ побѣждать.
И молодъ я еще а въ сердцѣ червь сомнѣнья
Во все великое, благое на землѣ;
Въ душѣ, гдѣ вѣры нѣтъ, безвѣстности томленье,
И прежде времени морщины на челѣ...

Когда окончится тяжелый день труда,—
Труда безсмысленнаго пытка,—
Безъ пользы для добра, для худа безъ вреда,
И лишь сознаніе усталости избытка
Животное одно присущно мнѣ; когда,
Въ подавленной душѣ, для мысли нѣту мочи,
И ночь придетъ,—о, какъ же радъ я ночи,
Чтобы уснуть, забыться мнѣ тогда.

И жизнь пройдетъ, изъ этихъ пошлыхъ дней
Сплетенная враждебною судьбою,—
Жизнь безотрадная безцвѣтностью своей,
Своей упорною, напрасною борьбою,
Безъ счастья для себя, безъ пользы для людей,
Безъ средствъ помочь добру и стать противу худу,—
И смерть придетъ,—и смерти радъ я буду,
Чтобъ въ ней забыть о немощи моей.

Природа.

Когда въ сердцѣ моемъ накипитъ, накипитъ
Столько горя, что больше не въ мочь,
На душѣ станетъ тяжко, что камень лежитъ,
И темно, что осенняя ночь,
Отъ общественной жизни тяжелыхъ оковъ,
Отъ холодности черствыхъ людей
Ухожу отдыхать подъ навѣсы лѣсовъ,
Подышать на просторѣ полей,
И природа меня, словно добрая мать,
Принимаетъ на лоно свое,—
И свободнѣе тамъ начинаетъ дышать
Истомленное сердце мое.

Поле вышлетъ ко мнѣ въ-встрѣчу свѣжесть свою;
Та привѣтно меня обовьетъ,
И проникнетъ мнѣ въ грудь,—и живую струю
Жадно, жадно усталая пьетъ.
Солнце весело такъ мнѣ заглянетъ въ глаза,
Точно хочетъ сказать: «Оглядись:
Божій міръ такъ хорошъ, такъ свѣтлы̀ небеса,
Чтожъ ты мраченъ одинъ? ободрись!»
Міръ природы окрестъ, благодатью своей,
Одолѣетъ озлобленный умъ,—
Станетъ легче душѣ, точно ноша долой,
Ноша тяжкая горя и думъ.
Отогрѣтая кровь какъ-то къ сердцу быстрѣй
Начинаетъ тогда приливать;
Разогнется мой станъ, поступь будто бодрѣй,
Ноги просятся сами бѣжать.
Какъ бываетъ порой, на просторъ луговой
Захирѣлаго пустятъ коня,—
Только путы долой, онъ метнетъ головой,
Точно ожилъ и, полонъ огня,
Громко, звонко заржетъ, гордо гривой взмахнетъ,
Хвостъ картинно раскинетъ трубой,
Ноздри вздуетъ, и вдругъ разомъ прянетъ, прыгнетъ,
И помчится чрезъ поле стрѣлой;
Такъ живитъ и меня чистый воздухъ полей,
Ободряетъ лазоревый сводъ.

Жарко въ полѣ,—вонъ лѣсъ манитъ тѣнью своей,—
Я туда направляю мой ходъ.
И радушно меня густолиственный лѣсъ
Приметъ, словно родная семья;
И, склонясь, шелеститъ изумрудный навѣсъ:
«Успокойся, не выдамъ ужъ я!
«Посмотри, какъ у насъ, хорошо и свѣжо,—
«Воздухъ, небо, ручей и цвѣты;
«Подожди-ка еще, то-ли будетъ ужо,
«Какъ помолишься Господу ты!
«Можетъ, душу враждой черезъ край залило?
«Умирится вражда,—помолись!
«Можетъ, сердце твое крѣпко горе нажгло?
«Выплачь горе свое,—не стыдись!
«Слышись запахъ цвѣтовъ? слышишь птицъ голоса?
«Это наша молитва; а тамъ
«На листочкахъ роса—это наша слеза;
«Она свѣжесть приноситъ цвѣтамъ.
«И слеза, что̀ роса, для страдальцевъ людей—
«Это даръ чудотворный Творца;
«Онъ свѣжитъ и цѣлитъ благодатью своей
«Истомленныя жизнью сердца.
«Плачь-же, плачь, не стыдись; смой страданье свое,
«Пусть слезой отольется оно!
И прорвется тогда море-горе мое,
Что̀ копилося въ сердцѣ давно.

Слезы хлынутъ рѣкой, словно воды весной
Хлещутъ, бурныя, бѣшено съ горъ;
Зарыдаетъ душа, вопли рвутся толпой;
Мнится, грудь разорветъ ихъ напоръ;
Но пройдетъ первый взрывъ, и какъ вешній разливъ
Все нечистое смоетъ, умчитъ
Желчь и горе, и съ нимъ темной злобы наплывъ,—
Все, что на́ сердцѣ гнётомъ лежитъ,
Все рыданья сотрутъ, унесутъ далеко;
Буря стихнетъ въ груди,—и потомъ
Потекутъ мои слезы такъ гладко, легко
Благотворно-цѣлебнымъ дождемъ!
И какъ радуга въ небѣ, во слѣдъ за грозой,
Въ бѣдномъ сердцѣ надежда блеснетъ,—
И въ душѣ, просвѣтленной, омытой слезой,
Словно въ храмѣ молитва пойдетъ.
Горяча и свѣтла та молитва! Она
Оживитъ мои силы и духъ;
И душа, примиренья и вѣры полна,
Одолѣетъ сомнѣнья недугъ,—
И въ объятьяхъ природы мнѣ въ душу покой,
Непонятный покой низойдетъ,—
И она какъ младенецъ на персяхъ родной,
Убаюканный ею, уснетъ...

Желаніе.

Душно! тяжко! воли! воли!
Конь, умчи меня скорѣй
Въ чащу лѣса, въ горы, въ поле,—
Только дальше отъ людей;
Только такъ, летунъ мой, чтобы
Не могли ужъ насъ найти.
Не изъ мести, не изъ злобы
Я бъ желалъ отъ нихъ уйти.—
Богъ свидѣтель, васъ обидѣть,
Братья-люди, не ищу;
Не могу васъ ненавидѣть,
Презирать васъ не хочу.

Но гдѣ вы, тамъ нѣтъ покою;
Тамъ заботы, суета,
Козни, мелочи толпою,
Чувствъ и мыслей пустота.
Я подавленъ жизнью этой,
Мнѣ бъ хотѣлось отдохнуть....
Дайте воли, дайте свѣту,
Дайте разъ хотя вздохнуть
Полной грудью, на просторѣ,
Далеко отъ всѣхъ заботъ,
Гдѣ меня ужъ злое горе
Не отыщетъ, не найдетъ;
Гдѣ смолкаетъ все земное,
Спитъ сомнѣнія змѣя;
Гдѣ бъ насъ было только двое:
Богъ да ты, душа моя!

Отрывки

изъ повѣсти:

Но гдѣ тотъ праведникъ, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подыметъ тяжую десницу?

Полежаевъ.

Боже мой, Боже мой, какъ она хороша!
Но смотрѣть на нее—нѣту силъ, не грѣша:
Такъ пластична ея, такъ земна красота,
Такъ присущна при ней наслажденья мечта;
Страстно-жгучимъ огнемъ обаянья полна,
Такъ проникнута вся сладострастьемъ она!
Столько прелести въ ней, столько нѣги и чаръ,
Что невольно душой овладѣетъ угаръ,—
Этотъ страсти угаръ, тотъ желанія хмѣль,
Когда въ сердцѣ одна воцаряется цѣль,
Чтобы ею хоть день, хотя часъ повладѣть,
Насладиться, а тамъ...а потомъ умереть!

Когда вспыхнетъ огнемъ въ раскаленной крови...
Не любовь,—не любовь, а истома любви,
Когда сила ума надъ душой не властна.
Боже мой, Боже мой, какъ прелестна она!
Подъ вліяньемъ-ли думъ въ томной нѣгѣ лежитъ,
Иль вакханкой она въ бурной полькѣ летитъ,
Тамъ и тутъ дышитъ все упоеніемъ въ ней.
Кто рѣшитъ, гдѣ она увлекаетъ сильнѣй!
Ея поступь и станъ, всѣ движенья ее,
Все въ ней роскошь, во всемъ обаянье свое!
Бѣлоснѣжной груди двѣ горячихъ волны
Буйно бьютъ о корсетъ, жаждой воли полны.
И чего не сулитъ этихъ волнъ переливъ,
Ихъ мятежная зыбь, ихъ приливъ и отливъ!
Какъ изящно хорошъ этой шейки изгибъ;
А за ножку ея не одинъ ужъ погибъ!
Еслибъ воля да власть, эту-бъ ножку поймалъ,
И малютку-бъ ее цѣловалъ, цѣловалъ,—
Не расталея бы съ ней! Но вгляните: коса!
Что за диво кудрей! волоса—чудеса!
Толстой прядью она вкругъ чела обвилась
Какъ вѣнецъ, и потомъ широко улеглась
На затылкѣ у ней много-кольцей змѣей.
Какъ ни тяжка она для головки такой?..
Словно бархатный взглядъ ея томныхъ очей
Проникаетъ и жжетъ вплоть до мозгу костей;

То живитъ, то томитъ этотъ адъ, этотъ рай;
То блаженство, то ядъ въ душу льетъ черезъ край,
И когда этотъ взглядъ, полный страсти и нѣгъ,
Обовьетъ вдругъ кого, тотъ пропалъ человѣкъ:
Онъ пойдетъ въ кабалу, онъ ей душу отдастъ,
Отречется всего, свою совѣсть продастъ!
А красавицы нравъ? О. мудренъ этотъ нравъ,—
Самыхъ спорныхъ началъ удивительный сплавъ,—
Какъ загадка мудренъ! Кто постигъ, кто проникъ
Этой странной души въ сокровенный тайникъ?
Кто успѣлъ разглядѣть это сердце до дна,
И завѣтныя въ немъ прочитать письмена?
Кто возмется сказать, кто рѣшитъ изъ людей:
Что̀, добро или зло, въ этомъ сердцѣ сильнѣй?
Чѣмъ то сердце живетъ? почему? отъ чего?
Вѣдь сдается-жъ порой, что нѣтъ вовсе его!
Какъ таинственный сфинксъ непонятна, темна,
Измѣняется вдругъ, безъ причины, она:
То наивно-добра и проста какъ дитя;
То насмѣшливо-зла, уязвляетъ шутя;
То все истина въ ней, то все ложь и обманъ;
То спокойна какъ смерть, то кипитъ какъ Нарзанъ.
Это ледъ и огонь! То какъ слезы грустна,
То безумнымъ она, вдругъ весельемъ полна.
Самовластна какъ шахъ, какъ грандеса горда,
Дѣлу жизни она какъ ребенокъ чужда.—

То, предъ чѣмъ распростертъ на колѣняхъ весь міръ,
Злато, идолъ людей, злато, міра кумиръ,
Безъ чего̀ въ нашъ тугой, въ нашъ разсчетливый вѣкъ,
Нѣтъ спасенья тебѣ, нѣтъ пути человѣкъ!—
Злато—цѣль всѣхъ заботъ, всѣхъ стремленій людей,
Безъ цѣны у нея, безъ значенья для ней:
И бросаетъ она на минутный капризъ,
На игрушку, на вздоръ, для подруги сюрпризъ,
То, что бъ на годъ семьѣ пропитанье дало,
Что купить сиротѣ воспитанье бъ могло.
Ктожъ она? Что она? герцогиня, княжна,
Prima donna въ порѣ иль банкира жена?
Иль индѣйскій набабъ, старый дядя ея,
Своихъ рупій мѣшки развязалъ для нея,
Этихъ рупій мѣшки, что всю жизнь онъ сбиралъ,
Что обманомъ исторгъ, что насильемъ содралъ,
Какъ Британецъ да жидъ лишь умѣютъ одни
Выжимать изъ страны, гдѣ вотрутся они,—

. . . .

. . . .

И богатство твое, злополучный народъ,
На разводъ скакуновъ да камелій идетъ!
Или нашъ, наконецъ, откупщикъ удалой,
Цѣловальникъ сперва, послѣ баринъ большой,
Для нея отливалъ, для нея разбавлялъ,
Для нея лишь одной цѣлый вѣкъ плутовалъ?

Кто-жъ она? что она? Какъ сказать про нее?
Всюду роскошь и блескъ окружаютъ ее,
Ея пышный нарядъ, экипажъ, ея домъ—
Домъ Армиды дворецъ: чего нѣтъ только въ немъ?...
Бронзы, бархатъ, фарфоръ, эта гибель вещей,
Все, что создалъ комфортъ для своихъ прихотей,
Что считаетъ нуждой, въ нашъ затѣйливый вѣкъ,
Въ пресыщеньи своемъ сибаритъ-человѣкъ;
Все, что моды указъ, что̀ изысканный вкусъ;
Все, что Сазиковъ, Туръ, что́ Шопенъ, Гюжибюсъ
Изобрѣсть, произвесть и придумать могли,
Что исторгъ у морей,—все, что взялъ у земли,
На отраду себѣ, въ наслажденье свое,
Настоящій въ нашъ вѣкъ повелитель ея,—
Кто безпорно теперь, не боясь барикадъ,
Ни ножей, ни стрѣльбы, ни задорныхъ палатъ,
Издѣваясь надъ всѣмъ, правитъ міромъ одинъ,
Полновластный вездѣ и всему господинъ,
Хотя Готою онъ въ альманахъ не внесенъ,
Хоть мѣщански зовутъ его просто—*Мильонъ!*
Все, что этотъ Моголъ только могъ раздобыть,
(А чего же нельзя въ наше время купить?)
Свезено, снесено, все собралося тамъ,
Въ этотъ нѣги, отрадъ, въ этотъ роскоши храмъ.
И среди всѣхъ чудесъ и созданій искуствъ,
Гдѣ все мертво душѣ, все понятно для чувствъ,

Средь всѣхъ этихъ затѣй и диковинъ одна,
Безсемейный жилецъ, обитаетъ она.
Кто-жъ она? Что она? Какъ зоветъ ее свѣтъ?
Свѣтъ?... Но въ свѣтѣ.... но тамъ... тамъ ей имени нѣтъ.
Если жъ часомъ зайдетъ про нее разговоръ,
То смущеніе дамъ, ихъ потупленный взоръ
Заставляютъ замять разговоръ тотъ скорѣй,—
Только шопотомъ тамъ говорится о ней.
Но что значитъ для ней мнѣнья общаго судъ!—
Равнодушна къ тому, какъ ее ни зовутъ,
Она знаетъ притомъ, что въ сужденьи людей
Много, много вошло женской зависти къ ней;
Что презрѣніе дамъ, ихъ суда непріязнь—
Маска ревности ихъ; что подъ нею боязнь
Укрывается въ нихъ за отцевъ, за мужей,
За любовниковъ страхъ, за своихъ сыновей;
Потому что она, врагъ семейныхъ всѣхъ узъ,
Можетъ вдругъ разорвать всякій кровный союзъ.
Горе дому тому, чей глава, чей отецъ
Познакомится съ ней, минотавромъ сердецъ;
А кто разъ ужъ попалъ въ лабиринтъ ея чаръ,
Нѣтъ исхода ему, будь онъ молодъ иль старъ.
Но играя огнемъ, увлекая другихъ,
Въ этой бурѣ страстей увлеченію ихъ
Недоступна одна, словно птица вольна,
Ихъ тревогъ и заботъ непричастна она.

Вѣкъ вращаясь въ кругу мимолетныхъ связей,
Нѣту узъ для нея, нѣтъ надъ нею властей;
Лишь покорныхъ рабовъ, лишь поклонниковъ рой
Окружаетъ ее распаленной толпой;
И изъ этой толпы безусловныхъ рабовъ,
Въ обожаньи своемъ, всякій рвется, готовъ,
Какъ въ какомъ то чаду, всякій бѣшено радъ,
За улыбку ея, за одинъ ея взглядъ,
Поскорѣе сложить у красавицы ногъ,
Вмѣстѣ съ волей своей, все, что далъ ему Богъ.
Предузнать, упредить ея каждый капризъ—
Вотъ стремленіе, цѣль, вотъ ихъ общій девизъ!
И безмѣрно блаженъ тотъ, кто раньше другихъ
Могъ, успѣлъ привезти ей новинъ дорогихъ;
Кто, царицѣ сердецъ, ей съумѣлъ угодить
И улыбку за то отъ нея получить.
Лишь улыбку!.. чего-жъ не отдастъ ей иной
За минуту любви? И минуты такой
И въ чаду, и въ жару каждый ждетъ въ свой чередъ;
И какъ счастливъ и гордъ тотъ, кого изберетъ,
Тотъ, кому изъ толпы она броситъ платокъ
И султаномъ своимъ быть позволитъ на срокъ.
Но и тутъ, какъ во всемъ, своеправна, чудна,
Часто выборомъ всѣхъ удивляетъ она;
Можно думать порой, что морщины, парикъ,
Что раскрашенный шутъ, сладострастный старикъ,

Средь ремней и пружинъ доживающій вѣкъ,
Больше по сердцу ей, чѣмъ въ порѣ человѣкъ,—
И охотнѣе, чѣмъ пылу юной крови,
Уступаетъ она этой чахлой любви.
Вообще ужъ не разъ замѣчали за ней,
Что чѣмъ чище любовь, тѣмъ противнѣе ей.
Беззавѣтная страсть душъ наивно-простыхъ,
Пламя первой любви, даръ сердецъ молодыхъ,
Какъ-то не-любы ей, какъ-то хуже другихъ
Принимаетъ она обожаніе ихъ.
Можно думать, что ей жаль ихъ, пылкихъ дѣтей,
Неизмятыхъ еще порчей буйныхъ страстей;
Что умышленно къ нимъ, что нарочно она,
Такъ насмѣшливо-зла, такъ горда, холодна,
Что суровостью той хочетъ страсть ихъ убить,
И святую любовь потушить, заглушить.
И всегда какъ-то съ ней успѣваютъ скорѣй
Тѣ, что̀ къ цѣли идутъ и наглѣй и смѣлѣй;
И что юноши страсть робко молитъ и ждетъ,
То бывалый Фобласъ часто съ бою беретъ.
Но избравъ одного, кто бы ни былъ ужъ онъ,
Наслажденье его—ей верховный законъ.
Съ изступленьемъ тогда, дикой страсти полна,
Безраздѣльно ему предается она,
Все блаженство, весь пылъ, всѣ восторги любви,
Все, что нѣга и страсть, и горячка въ крови,

Могутъ вмѣстѣ создать, совершить, изобрѣсть,—
Все, что только хашишъ развѣ-бъ могъ произвесть,—
Для счастливца она это все соберетъ,
И въ одинъ океанъ наслажденья сольетъ;
И объятъ, погруженъ, упоенъ, поглощенъ,
Въ этой безднѣ отрадъ позабудется онъ.
Но когда, какъ вампиръ, все, что есть у него,
Достоянье и жизнь, кровь и злато его,
Все, что было за нимъ, что ждало впереди,
До тюрьмы за долги, до хрипѣнья въ груди,
Когда высосетъ все, истощитъ до конца,
И не станетъ на немъ ни сапогъ, ни лица;
Тогда кротко его отодвинетъ она,
И спокойна, хладна, какъ зимою волна,
Скажетъ: «Другъ, у тебя больше нѣтъ ничего,—
«Ты свободенъ, ступай, уходи!» и его,
Словно выжатый плодъ, броситъ прочь отъ себя;
Лишь примолвитъ:» Прощай, я боюсь за тебя:
«Ты усталъ, изнемогъ; тебѣ нуженъ покой,—
«Богъ съ тобою, ступай, полѣчись, милый мой».
И напрасно у ногъ пресмыкаясь тогда
Онъ бы сталъ умолять,—за другимъ череда;
И лаская того, она скажетъ тому:
«Другъ, вонъ нищій: подай христа-ради ему...»

Къ чему эти вопли, проклятья,
Отчаянья дѣтскій парадъ!..
Забавенъ на жизнь нашей братьи
Наивно-ребяческій взглядъ.
Дѣйствительной жизни въ пустыню
Мы входимъ исполнены грёзъ,
Въ душѣ затая какъ святыню
Созданье гармоньи и розъ,
Созданье видѣній неясныхъ,
Созданье кипучей мечты,—
Его, идеалъ нашъ прекрасный,
Дитя неземной красоты.
Намъ жизнь представляется пиромъ
Любви, наслажденья,—и тамъ
Царицей, душей и кумиромъ

Является женщина намъ.
И къ ней мы бросаемся жадно,
Въ ней видимъ залоги всего:
И свой идеалъ ненаглядный,
Безумцы, въ ней ищемъ его!
И стоитъ смазливой фигуркѣ
На насъ поумильнѣй взглянуть,—
Иль глазки потупя въ мазуркѣ,
Глубоко и томно вздохнуть,
И груди открытой движенье,
Подъ гнётомъ корсета, тотчасъ
Таинственно приметъ значенье
Душевныхъ порывовъ для насъ,—
И вотъ въ идеалы плутовку
Спѣшимъ уже мы произвесть,
И въ жертву, предъ дѣвочкой ловкой
И душу и сердце принесть.
И сами себя обольщая,
Въ разгарѣ горячей мечты,
Мы щедро для ней расточаемъ
Фантазіи нашей цвѣты;
Навяжемъ ей всѣ совершенства
Изящества, грацій, красотъ,
И молимъ и просимъ блаженства;
А сердце и вѣритъ и ждетъ.
Не такъ ли свой идолъ дубовый,

Созданье сѣкиры своей,
Въ цвѣточныя рядитъ покровы
Дикарь австралійскихъ морей;
И послѣ предъ нимъ на колѣни
Становится набожно самъ,
И жаркой мольбы и хваленій
Возноситъ предъ нимъ ѳиміамъ?..
Когда же намъ опытъ сурово
Отыметъ повязку отъ глазъ,
И идолъ, утративъ покровы,
Чѣмъ есть онъ предстанетъ предъ насъ—
Созданьемъ безъ сердца и чувства,
И намъ убѣдиться должно,
Что женщина—дѣло искусства;
Что все въ ней искусство одно;
Что все, что въ ней сердце любило,—
Обманъ, обаянье, мечта,
Что собственнымъ только въ ней было
Одно лишь: ея красота;
Что томныхъ волненій причиной
Былъ тѣсный чрезъ мѣру корсетъ
Иль видъ молодаго мужчины
На дѣву семнадцати лѣтъ;
Что были наряды предметомъ
Таинственныхъ вздоховъ ея,
Что глупо въ созданіи этомъ

Искать было счастье свое;
Тогда-то съ ребяческимъ гнѣвомъ
Мы вдругъ нападаемъ на свѣтъ:
За чѣмъ въ немъ существенны дѣвы,
А дѣвъ умозрительныхъ нѣтъ!
И вотъ мы, въ порывѣ печали,
Какъ будто насъ кто обманулъ,
Какъ будто бы насъ обокрали,
Готовы кричать: караулъ!
И бѣдненькихъ женщинъ безвинно
Изгнать совершенно съ земли;
Забывъ что мечтою безчинной
Мы сами себя увлекли,
Бросаемъ въ нихъ, бѣдныхъ, проклятье,
Въ нихъ видимъ коварство и адъ...
Да, страненъ на жизнь нашей братьи
Въ тѣ годы ребяческій взглядъ.

Была ужъ осень. Опустѣли
Алеи парка. Вѣтра свистъ
Смѣнилъ арфянокъ тощихъ трели.
Кругомъ валился жёлтый листъ.
Въ изгибѣ узенькой алейки,
Незамѣчая, подъ дождемъ,
Сидѣли грустно на скамейкѣ
Строииловъ съ Ольгою вдвоемъ.
Они здѣсь встрѣтились случайно,
Безъ соглашенія впередъ;
Но каждый шелъ съ надеждой тайной,
Что тамъ другаго ужъ найдетъ.
Хоть не было межъ ними рѣчи
Опять сойтись; но горячо
Они желали этой встрѣчи,

Чтобъ разъ увидѣться еще.
Такъ, совершая долгъ печальный
Надъ прахомъ милыхъ и родныхъ,
Когда моленія о нихъ
Обрядъ оконченъ погребальный,
И мигъ наступитъ роковой—
Тяжелой крышей гробовой
Закрыть навѣки ликъ любимый,
Мы чувствуемъ неодолимый,
Въ тотъ мигъ разлуки съ мертвецомъ,
Въ душѣ порывъ желанья, жажды
Еще хоть разъ, еще однажды
Взглянуть на милое лице.
И встрѣча ихъ не удивила:
Они готовы были къ ней.
«Въ-послѣднее?..» она спросила,—
Онъ молча руку подалъ ей,
Кивнулъ печально въ знакъ отвѣта.
Другаго не было привѣта
Межъ ними сдѣлано. Потомъ
Безмолвно сѣли за кустомъ.
Но если ихъ уста молчали,
Зато біеніемъ сердецъ
Они другъ другу отвѣчали
Въ нѣмой бесѣдѣ. Наконецъ
Сквозь слезъ она заговорила.

Подъ гнётомъ тяжко скорбныхъ думъ,
Ее онъ слушалъ какъ могила,
И безотвѣтенъ и угрюмъ.
Увлекшись памятью невольно,
О прошломъ рѣчь вела она
И горько плакала.
«Довольно,»
Сказалъ онъ: «выслушай меня!
Къ чему будить воспоминанья?
Воспоминанья тѣ—страданья;
Во мнѣ сносить ихъ нѣту силъ.
Суди Господь, кто насъ сгубилъ!
Но намъ къ былому нѣтъ возврата:
То, что случилось, какъ мертвецъ
Легло межъ нашихъ двухъ сердецъ,
И трогать ранъ его не надо.
[illegible] не забыть о немъ, повѣрь,
И черезъ годы какъ теперь.
Не льсти-жъ себя надеждой ложной...
Нѣтъ, бѣдный другъ мой, невозможнымъ
Не искушай меня. Поди!..
Тамъ что-то порвалось въ груди
И такъ болитъ! Какимъ-то бременемъ
Подавлена душа моя.
Оно пройдетъ; но нужно время—
Я оттерплюсь, привыкну я...

Вѣдь ко всему привыкнуть можно,
Во всемъ снасиловать себя,
Сродниться съ долей безнадёжной
И даже не любить тебя.
Я постараюсь,—можетъ статься,
Удастся мнѣ тебя забыть;
Но намъ не надобно встрѣчаться,
Но намъ не должно вмѣстѣ быть.
Да, при тебѣ мнѣ будетъ трудно:
Я такъ любилъ, и ты такъ чудно,
Все также дивно хороша;
Съ тобой сродилась такъ душа;
Я слабъ, поддамся обольщенью...
Но вѣрь: дѣйствительность, она
Неумолима и грозна,—
И въ-слѣдъ за каждымъ увлеченьемъ
Себя напомнитъ угрызеньемъ.
Напрасно стали-бъ мы скрывать
Взаимно на сердцѣ страданье:
Нашъ образъ собственный питать
Въ насъ будетъ это истязанье.
Нѣтъ, бѣдный другъ мой, нѣтъ, теперь
Разлука, смерть не такъ ужасны,
Какъ этой пытки ежечасной
Терзанья вѣчныя, повѣрь.
И такъ разстанемся, забвенье

Для насъ единственный бальзамъ,
Единый путь, который намъ
Судьбой оставленъ къ примиренью
Съ убитой жизнію. Шутя
Они ее убили, Боже!
И ты, несчастное дитя,
И ты забыть старайся тоже,
Забудь скорѣй. Теперь пойдемъ—
Я провожу тебя къ воротамъ,
Чтобъ не обидѣлъ кто путемъ...
Нѣтъ, погоди...Еще я что-то
Хотѣлъ сказать. О чемъ бишь?...Да,
Вотъ видишь: мало-ль иногда
Что можетъ быть! Здѣсь все невѣрно.
Ты такъ довѣрчива, добра,
Такъ простодушно легковѣрна,—
Богъ знаетъ, неравна пора,
(Я такъ желалъ бы ошибится!
Но въ жизни можетъ все случиться)
Такъ слушай, ежели-бъ когда
Тебѣ понадобилось друга,
Защита, кровная услуга
Была-бъ нужна,—смотри, тогда
Ты не зови другихъ, не надо:
Тебѣ другіе не ограда,
Ты это будешь знать сама.

Несчастье, видишь, какъ чума:
Его бѣгутъ, боятся люди;
И голосъ скорбныхъ рѣдко имъ
Проникнетъ въ каменныя груди
И тронетъ бѣдствіемъ чужимъ.
Нѣтъ, не ищи у нихъ участья;
Но ради прежнія любви,
Но ради сгибнувшаго счастья
Тогда меня ты позови...
Меня лишь кликни...Нѣту нужды,
Что въ это время, можетъ быть,
Тебя не буду я любить,
Что будемъ мы другъ другу чужды,
Съ судьбой въ ладу иль не въ ладу,
Я зовъ услышу и приду,
И заступлюся, и не выдамъ
Тебя на жертву злымъ обидамъ,
Утѣшу въ горѣ, помогу
Чѣмъ только въ силахъ, чѣмъ могу.
Такъ помни-жъ это, ради Бога,
И не стѣсняйся,—вѣдь потомъ
Мы снова, всякъ своей дорогой,
Другъ другу чуждые, пойдемъ»...
    Безъ слезъ, безъ словъ и безъ движенья,
Какъ будто мраморъ гробовой,
Въ болѣзненномъ оцѣпенѣньи,

Она внимала рѣчи той.
И были въ ней заклятій чары,
Стучали страшныя слова
Ей въ слухъ какъ молота удары,
Отъ нихъ кружилась голова,
Разсудокъ приходилъ въ смущенье,
И оставалось ей темно
Ихъ безнадежное значенье.
Въ нихъ поняла одно,
Разобрала чутьемъ сердечнымъ,
Что то не пени, не укоръ,
Что это былъ ея конечный
Душевно-смертный приговоръ.
Одно ей сдѣлалось понятно
Въ той рѣчи грустной, что она
Безжалостно и невозвратно
И имъ, и имъ осуждена!
И эта мысль въ ея сознанье
Впилась, и въ немъ росла, росла
Невыразимымъ истязаньемъ,
Бросала въ дрожь и снова жгла,
Давила сердце больно, больно,
И въ чувствѣ боли той невольно
Въ душѣ такъ долго сжатый стонъ
Вдругъ вырвался—и замеръ онъ
Какъ звукъ порвавшейся струны.

Онъ душу, сердце, разумъ, совѣсть,
Какъ страшная о чемъ-то повѣсть,
Вдругъ потрясалъ до глубины;
И кто-бъ тотъ стонъ услышалъ, люди,
Короткій, острый и глухой,
Тотъ поклялся бы, что другой,
Подобный стонъ, изъ той же груди,
Уже не вырвется; что онъ
Могъ быть предсмертный только стонъ,
Послѣдній вопль души убитой.
Онъ тѣмъ, кто слышалъ, какъ кинжалъ
Глубоко въ сердце проникалъ
Какой-то болью ядовитой,
И долго слышался потомъ
Онъ имъ въ безмолвіи ночномъ.

Какъ электрической струею
Потрясъ Василья этотъ стонъ.
Предъ этой горестью святою
Онъ угадалъ, постигнулъ онъ,
Что тутъ безплодно утѣшенье:
Какое бъ ни было, оно
Предъ нею будетъ оскорбленье,
Или жестоко иль смѣшно.
И хоть страдалъ ея страданьемъ,
Хоть жалость раздирала грудь,
Себя обрекъ онъ на молчанье,

Не смѣя на нее взглянуть.
Но кризисъ былъ не долгъ. Скоро
Себя осилила она,
И безъ мольбы и безъ укора,
Какъ смерть спокойна, холодна,
Приподнялася со скамейки
И оба тихо по алейкѣ
Они пошли изъ парка вонъ,—
Она въ безчувствіи; а онъ
Подавленъ, смятъ борьбой жестокой,
Любви и гордости борьбой,
То каясь горько и глубоко
Въ побѣдѣ страшной надъ собой,
То вновь съ болѣзненной отрадой
Гордяся ею. Между тѣмъ
Они прошли уже ограду
И шли; но какъ, куда, зачѣмъ?
Не думая, не замѣчая,
Что не туда должно идти,
Пока извощикъ, обгоняя,
Ихъ пробудилъ своимъ «свезти?»
Они очнулись.

Ужь ложился
Осенній сумракъ, день бѣжалъ.
Извощикъ къ счастію случился,
Его Василій подозвалъ.

Подавленъ горемъ, молчаливо
Онъ подалъ руку ей. Она
Вспрыгнула въ дрожки торопливо,
Какъ ликъ усопшаго блѣдна.
Когда-жъ, предвѣстіемъ движенья,
Прошло по дрожкамъ сотрясенье,
Обычное машинѣ той,
И конь далёко не ретивый,
Сбираясь тронуться, лѣниво
Махнулъ косматой головой,
Какъ будто тѣмъ противъ насилья
Бѣднякъ хотѣлъ протестовать,
Тогда сознанье, что Василья
Ей никогда ужъ не видать,
Проснулась въ сердцѣ Ольги снова,
И этой мыслью лишь полна,—
И судъ безжалостно-суровый,
И приговоръ его, она
Забыла все, кромѣ разлуки
И отчужденья своего,—
И съ чувствомъ неисходной муки
Она взглянула на него:
И вся душа ея, казалась,
Переселилась въ этотъ взоръ...
Въ немъ не молитва отражалась,
Не зовъ пощады, не укоръ;

Но было столько сожалѣнья,
Любви и нѣжности святой,
И безграничнаго прощенья,
И безнадежности нѣмой,—
Въ немъ было столько смертной боли
Неисцѣлимой, вѣковой,
Что какъ преступникъ поневолѣ
Предъ нимъ поникъ онъ головой.
Когда же дрожки застучали
И чей-то голосъ, полный слезъ,
Какъ пѣснь разлуки и печали,
«Прощай, будь счастливъ!» произнесъ,
Онъ чуть за ними не помчался,
Едва не вскрикнулъ имъ: «постой!»
Но разъ еще порывъ святой
Онъ подавилъ и воздержался,
Хоть видно было по всему,
Что это стоило ему
Усилья страшнаго, и онъ
Былъ имъ буквально истощенъ.

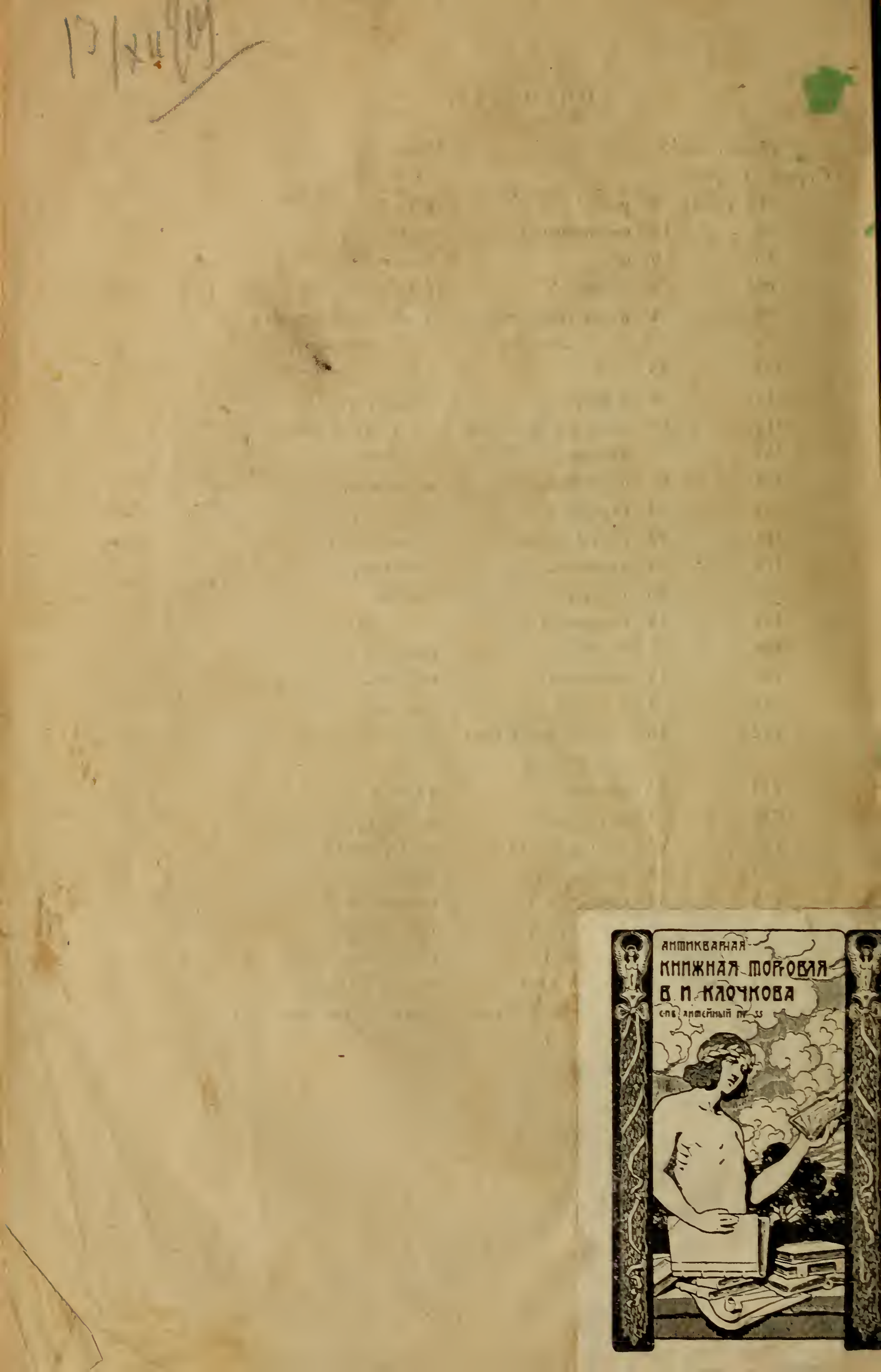
Почти безъ памяти, безъ силы,
Онъ прислонился о заборъ,
А страшно напряженный взоръ
Впился всей мощью въ обликъ милый,
За нимъ гнался, за нимъ бѣжалъ.
Ужъ тотъ давно вдали пропалъ;

А онъ, какъ будто бы статуя,
На томъ же мѣстѣ все стоялъ,
Стоялъ, не двигаясь,—не чуя,
Какъ накипала на глаза
Мужская, жгучая слеза.

Давно на улицѣ пустынной
Уже утихло все кругомъ,
И лишь въ безмолвіи ночномъ
Шумѣлъ порою пѣсъ безчинный
И замолкалъ опять, когда
Очнулся наконецъ Василій
И послѣ тягостныхъ усилій
Побрелъ, невѣдая куда.
«Такъ было должно! Долгъ суровый
Исполненъ!» Грустно онъ сказалъ...
Подслушалъ дьяволъ это слово
И весело захохоталъ...

ОПЕЧАТКИ.

Страп.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Читай:*
10	сверху 4	ровно?	равно?
30	12	чортовины	чертовщины
46	9	что	чтобъ
62	4	истипну	истину
98	1	и что гуси—пороки людскіе,	и что гуси, пороки людскіе
102	16	лжѣ	лжи
111	9	Эпикура	Ээпикура,
113	10	Да сталъ человѣкъ,	Да, сталъ человѣкъ
144	29	абытые	забытые
161	26	парнишкѣ,	парнишко,
165	20	горюшко?	горюшко,
178	12	Листы летятъ	Ӓсты летятъ
179	18	услыхать.	услыхать,
»	20	отвѣтъ:	отвѣтъ
183	19	сестрицый	сестрицы
185	1	головой	головкой
188	13	возврастъ	возрастъ
221	4	отвегрни	отвергни
222	10	Смотри, чтобъ, какъ сказалъ	Подумай, что сказалъ
244	13	рѣшить	рѣшитъ
246	5	форфоръ	фарфоръ
249	12	по сердцу, ей	по сердцу ей
249	13	она,	она
258	12	сродилась	сроднилась
»	24	ежечастной	ежечасной
259	18	ошибится	ошибиться
361	9	поняла одно	поняла она одно
262	21	Какоебъ ни было оно	Какое-бъ ни было, оно

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВАЯ
В. И. КЛОЧКОВА
С.-ПБ. ЛИТЕЙНЫЙ пр. 55

Цѣна 1 руб. 75 коп. сер.

2/3

LIBRARY OF CONGRESS

00025292509